

Бродячая Искра

Марина и Сергей Дяченко

Медный король

«Автор»

2008

Дяченко М.

Медный король / М. Дяченко — «Автор», 2008 — (Бродячая Искра)

Мир велик и опасен: небо патрулируют всадники на огромных птицах, в пещерах водятся донные драконы, и четвероногие люди – зверуины – вершат правосудие на своей земле. Кто ведает, что стало бы с мальчишкой-рабом, если бы однажды безумный старик не научил его простому заклинанию: «Медный король, Медный король. Возьми, что мне дорого, подай, что мне нужно!» Но знает ли человек, что ему нужно на самом деле? И чем можно пожертвовать ради великой цели? Действие нового романа Марины и Сергея Дяченко происходит в мире, описанном в романе «Варан». «Медный король» – эпическая сага, полная битв, скитаний, а главное – поисков смысла жизни.

© Дяченко М., 2008

© Автор, 2008

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Глава первая	5
Глава вторая	28
Глава третья	43
Глава четвертая	61
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Марина и Сергей Дяченко

Медный король

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Ранним вечером парусное судно «Крылама» вошло в прибрежные воды порта Мирте и встало на рейд в ожидании таможенного досмотра. Команда и пассажиры, сколько их было, выбрались на палубу – не только потому, что этого требовали таможенные правила Мирте, но и затем, чтобы посмотреть на Летающий Город.

«Крылама» накренилась, и вода с палубы ручейками потекла в море. Столпившиеся у левого борта пассажиры готовы были устремиться за водой – они ахали и охали, налегали животами на ограждение, тыкали пальцами, показывая друг другу диковины; две полные дамы, всю дорогу не выходившие из каюты, с жадностью вглядывались в открывшееся им чудо. Семья среднего достатка (мать, отец, четверо сыновей), купец с парой помощников, искусные ремесленники, решившие попытать счастья на службе у Золотых, прочие люди разных сословий, путешествовавшие в каютах и в трюме, много ночей спавшие в гамаках или маявшиеся от бессонницы на слежавшихся перинах, смотрели на город своей мечты, цель путешествия, и у многих захватывало дух.

Летающий Город парил, не касаясь земли. Тончайшая дымка окутала порт и припортовые районы, а над ними раскинулись бирюзовые и розовые арки мостов, замерли, изящно выгнувшись на взлете, тонкие стены. Ажурные строения венчались ослепительно-белыми башнями, и тончайшие шпили вели, будто пальцами, по тонкому слою облаков над городом. Тысячи судов стояли на рейде, словно очарованные зрелищем, словно засомневавшиеся в последний момент: а достойны ли они, обросшие ракушками, войти в золотой порт Мирте?

Матросы забирались повыше, желая больше увидеть. Почти все они бывали здесь раньше, но только немножком, самым старым, удалось сохранить подчеркнуто-равнодушную мину: видали, мол, кое-что почище. Воздух чуть дрожал над морем, и оттого казалось, что золотой город вот-вот растает в дымке – но он не таял, наоборот, становился ярче по мере того, как солнце опускалось и удлинялись тени.

Подошла большая лодка со стражниками и проверяющими. Первым на борт поднялся человек в кожаном шлеме, в легких доспехах с гербом Мирте, с огромной бумажной книгой под мышкой.

– Таможенная служба Мирте приветствует вас, морские путники, – проговорил снисходительно, переводя цепкий взгляд с лица на лицо. – Капитан!

Капитан вышел вперед, держась почтительно – и одновременно с достоинством. По случаю прибытия он сменил засаленную, прожженную во многих местах кожаную рубаху на синий мундир с пуговицами из полированной кости.

– Предъявите к досмотру пассажиров, команду, груз. Все ли новоприбывшие ознакомлены с условиями пребывания в Мирте?

Ремесленники переминались с ноги на ногу. Они собирались нарушить законы Мирте – немножко, совсем чуть-чуть. Потом, когда наладится с работой, они заплатят полновесный налог и станут добрыми гражданами золотого города, но вот на первых порах...

– У вас есть документы на детей? – человек в шлеме остановился перед сбившейся в кружок семейкой. – Предъявляйте, пожалуйста. Так... Хорошо. Что везете?

Тем временем стражники и проверяющие, всего восемь человек, споро рассыпались по кораблю: кто-то спустился в трюм, кто-то заглядывал в бочки и тормозил тюки на палубе, кто-то пропал неведь куда и тут же появился неведь откуда. Пассажиры глядели на них с опасливым восторгом: таможенники были граждане Мирте, бронзово-смуглые, скуластые, с коротко стриженными золотыми волосами.

– Двадцать семь, двадцать восемь, – таможенник считал пассажиров. – А это что? Капитан!

Капитан подскочил и остановился рядом. Таможенник обернулся к нему, на лице были удивление и брезгливость:

– Вы не знаете законов Мирте? Что это, я вас спрашиваю?

Перед ним, в стороне от прочих пассажиров, стоял мальчик лет четырнадцати, тощий, черноволосый, с большими ушами. Растерянно поглядывал то на таможенника, то на чудесный город за его плечом. Полудетское и простое лицо его отличала едва уловимая странность: слишком темные глаза и выдающиеся надбровные дуги, слишком острый подбородок, очень белая кожа и впалые щеки – хотя голодным или изможденным мальчишка не казался.

– Это... – выдал капитан. – Это... где твой хозяин?

Подбежал хорошо одетый, высокий господин с белым пером за ухом – знаком профессии переписчика.

– Прошу прощения, я показывал... предъявлял в каюте имущество, там книги, бумага, писчие принадлежности...

Таможенник жестом велел ему замолчать.

– Что это? – его длинный палец почти коснулся белого лба мальчишки.

– Это мой раб, – переписчик сглотнул. – А... что?

– Вам известно, что гекса и их отродья не могут ступить на землю Мирте? А вам, – таможенник резко обернулся к капитану, – уж вам-то должно быть это известно!

Капитан побледнел:

– Гекса? Я не знал, что он гекса. Он...

– Нет-нет, – залепетал переписчик. – Он в рабстве у моей семьи почти восемь лет... С детства... Он не может быть гекса, у меня есть купчая, там сказано – «происходит из лесного удела»!

Пассажиры и команда, наострив уши, подбирались все ближе. Назревал скандал; ремесленники переглядывались, матросы хмурились, прочие откровенно любопытствовали, соскучившись по развлечениям за долгое время пути.

Не слушая переписчика, таможенник обратился к капитану:

– Ваш корабль не войдет в гавань, пока на борту находится гекса.

Пассажиры зароптали. Слова таможенника передавали дальше, тем, кто не расслышал. Развлечение грозило обернуться бедой.

– Прошу прощения... – капитан теперь покраснел; он вовсе не был столь опытным морским пластуном, каким хотел казаться. И если с бурей в открытом море ему случалось меряться силами, то недоразумение с таможей Мирте было стократ опаснее.

– Либо вы разворачиваетесь и уходите, – повысил голос таможенник. – Либо оплачиваете стоянку на рейде – четыре тысячи монет в час. Эй, вы закончили?

Его помощники снова показались на палубе и по очереди записали что-то в принесенную на борт книгу. Получив утвердительный ответ, таможенник взглянул на солнце:

– Время досмотра истекло, теперь начинается время задержки. Расплатитесь вы, капитан, потом сможете подать в суд на пассажира, протавившего на борт полукровку... Если вам удастся, конечно, вышибить из него хоть копейку, – таможенник ухмыльнулся. – Итак, вы разворачиваетесь?

– Мы не можем! – крикнул кто-то из толпы пассажиров. – Это... это неслыханно! Я заплатил за билет!

– Мы все заплатили, – плачущим голосом подхватила полная дама. – Нас с сестрой встречают... сегодня в порту... Во имя Императора, мы не можем уйти!

Таможенник глянул на нее, но ничего не сказал. Купец, стоявший рядом, сообщил даме вполголоса:

– Императором здесь не клянутся.

– Мы не можем уйти, – капитан говорил отрывисто и глухо, так поразила его неожиданная, случившаяся в самом конце пути беда. – У нас на исходе... запасы пресной воды.

– Я не собираюсь заботиться о вашей воде, – таможенник направился к лестнице, по которой уже спускались его подчиненные. – Мой вам простой совет: сбросьте гекса за борт и входите в порт.

Мальчишка стоял по-прежнему в стороне от всех. Неясно было, понимает он или нет, из-за чего такая суматоха. Не похоже, чтобы его смущали взгляды – злые, откровенно неприязненные, иногда брезгливые.

– Сколько можно ждать! – закричала полная дама. – Сбросьте его за борт, в самом деле! Вы же видите – другого выхода нет, иначе нас не пустят!

Переписчик выступил вперед. Губы у него тряслись.

– Господа, я понимаю ваше возмущение... Я сам, я не знал... но, господа, это ведь моя собственность... Он орудие моего труда, очень ценное, важное... Он источник моих доходов! Он очень дорого стоит, кто мне возместит?!

– А кто мне возместит простой на рейде?! – рявкнул капитан.

– Вы поставили нас всех в ужасное положение, – заметил купец. – Кто виноват, как не ваша небрежность? Всем известно, что гекса и их полукровок не пускают в Мирте!

– Погодите, – переписчик кинулся за таможенником, готов был схватить его за рукав, но в последний момент удержался. – Погодите... Я могу заплатить штраф. Мы же люди, давайте договоримся... Я уплыву с ним сегодня же, я только пересяду на другой корабль!

– Ни ногой, – таможенник взялся за скобу, к которой крепилась лестница. – Гекса не осквернит Мирте ни дыханием, ни прикосновением, ни мерзким выделением своим. Выкидывайте за борт – или корабль не пройдет.

Пассажиры говорили уже в полный голос, и, казалось, ни один не слышит другого.

– Но что же мне делать, – переписчик кусал губы. – Это... главное мое достояние, этот раб! Он... у него небывалая память на буквы и знаки, он переписывает книги с небывалой скоростью, без него я впаду в нищету!

– Ваше дело, – таможенник поставил ногу на ступеньку лестницы. – Эй, капитан, минута на размышление.

– Да чего думать-то! – закричал старший из ремесленников, бородатый ювелир. – У меня контракт в Мирте, кто за меня заплатит неустойку?!

– Может быть, лодка, – бормотал бледный, как лед, переписчик. – Может быть, спустить лодку... Он переписывает по целой книге за три ночи!

– Придется тебе самому потрудиться, – сказал ювелир и сплюнул за борт. – Руки не отвалятся!

Капитан, стиснув зубы, шел по палубе, перешагивая через канаты, брошенные кем-то узлы, – шагал к мальчишке.

Тот попятился.

– Хорошо плаваешь? – угрюмо спросил капитан.

Мальчишка молчал, продолжая отступать. Капитан схватил его за шиворот. Мальчишка вывернулся с неожиданной ловкостью и бросился бежать – вдоль правого борта.

Подоспели матросы и пассажиры. Десять рук одновременно вцепились в куртку и штаны из застиранного полотна, но мальчишка, юркий, как ухвертка, вырвался снова. Его опять догнали и сбили с ног.

– Не оглушайте! – голосил переписчик. – Так он, может, выплывет! Книги мои, еще и до половины... А задаток-то...

Он сел на свернутый канат и, сокрушенно раскачиваясь, взялся за голову. Перо за ухом, знак профессии, поникло.

Извивающееся тело мальчишки общими усилиями перебросили через борт. Мальчик полетел вниз, молотя в воздухе руками и ногами, и плюхнулся в воду, и брызги ударили в борт парусного судна «Крылама».

Таможенник, наблюдавший с палубы, кивнул:

– Входите в гавань. Можете швартоваться.

* * *

Он погрузился с головой. Вода ударила по ушам, на миг сделалось больно, но Развيار тут же выплыл, схватил воздуха в легкие и затряс головой. Боль прошла моментально, как и появилась. Рядом, совсем рядом был мокрый борт «Крыламы» – блестящий и черный над водой, а под водой – бурый, волосатый, кое-где поросший ракушками. Вода оказалась почти такой же прозрачной, как воздух: Развيار мог видеть всю тушу «Крыламы» до самого кия.

Распустились и набрали ветер паруса – зеленые с красным, цвета Фер, порта приписки. Запенилась вода у борта, и сам борт медленно двинулся, проплывая мимо. Развيار подался в сторону: за кормой «Крыламы» бурлил высокий белый вал, угодить туда – мигом затянет и завертит, оставит под водой навсегда.

«Крылама» уходила медленно. Вот она закрывает весь мир, вот она отодвинулась, вот она – силуэт, все еще огромный, но уменьшающийся с каждой минутой. Развиару снова открылся город: высокий, парящий в облаках, Мирте позволял смотреть на себя и капитану на мостике, и утопающему гекса посреди моря. Хотя прежде Развиару никто не говорил, что он – гекса.

Солнце садилось. Говорили, что смотреть на Мирте можно в полдень, на рассвете, на закате, ночью, – с каждым взглядом это будет новый город. Вот и теперь: бирюзовые арки сделались синими, а розовые – опалово-желтыми. Белые башни окрасились золотом. Шпили держали на остриях облако, будто пригвоздив его к небу.

Море не волновалось. Небольшая волна то поднимала Развиара, то опускала. Там, где прошла «Крылама», оставался на воде след. Растопырившись на поверхности, болтая в воде ногами, Развيار видел, как далеко-далеко скользит таможенная лодка, и еще одна, и еще. Как вслед за «Крыламой» направляется в гавань другое судно – под желтыми и белыми парусами.

Он глотнул соленой воды и закашлялся. На его памяти никто не учил его плавать. Тем не менее, держаться на воде он всегда умел. Не стоит плыть к берегу, на берег не пустят. Тогда куда?

Развيار отдышался, огляделся и поплыл, нацелившись на небольшой корабль, стоявший дальше всех от берега. Почему-то ему казалось, что если корабль небольшой и если стоит так далеко – его обязательно возьмут на борт. Почему нет? Он хорошо умеет работать.

Склонялось солнце, золотой город снова менял свой облик. Развيار плыл; вода оказалась такой обманчивой – и твердой, и мягкой одновременно. С борта «Крыламы» поверхность моря казалась устойчивой, но ходить по воде нельзя. Корабли и лодки двигались быстро, Развيار думал, что и сам сумеет так плыть – но ошибся; барахтаясь, он старался изо всех сил, однако город по-прежнему парил над водой, отражаясь в ней вместе со шпилями и облаками, и корабль на рейде оставался столь же далеким.

Что-то странное делалось с руками и ногами. Они будто одеревенели. И дышать становилось все труднее. Развيار отдохнул, полежав на спине, но плеснула волна – и он опять захлебнулся. Откашлялся и снова поплыл; теперь ему казалось, что корабль приближается. Развيار греб, облизывая пересохшие губы. Ему все сильнее хотелось пить. Морская вода обжигала горло.

Он не жалел ни о хозяине, ни о «Крыламе», ни об узелке с вещами, оставшемся в трюме под его гамаком. Он жалел о «Путешествии на Осий Нос». Вчера ночью он переписал полкнижки, а закончить до утра не получилось – капитан запретил жечь огонь в трюме. Развيار переворачивал страницу, смотрел на нее, потом склонялся над чистым листом и аккуратно переносил на бумагу то, что запомнил, что висело, будто в воздухе, у него перед глазами. И пока он писал – он понемногу понимал слова и видел то, что они означали. Видел далекий пролив, зубчатый гребень между двух скал: с одной стороны полуостров Осий Нос, с другой – Кремышек. Дважды в год у гребня бурлит вода, страшно бурлит и срываются камни. Вода то опускается, обнажая норы глубинных гадов, то поднимается опять, зубчатый гребень скрывается под водой, и тогда через Осий Нос может пройти судно, пусть даже самое большое, вот как «Крылама». Путешественник, написавший когда-то книгу, преодолевал пролив в опасное время – когда вода вот-вот готова была опуститься; доплыл он или погиб в волнах?

Развيار подумал и решил, что, наверное, спасся. Потому что написал ведь кто-то книгу о Путешествии. О том, что книгу может написать мертвый дух, хозяин Агль ничего не говорил...

Хозяин Агль горюет, наверное. Он столько раз говорил Развиару «Ты – мое богатство», что и змея бы запомнила. Правда, таскать за уши, стучать лбом об стол и ругать последними словами хозяин Агль тоже был не дурак... Особенно спьяну...

У Развиара свело вдруг ногу. Растерявшись, он забился, схватился за щиколотку, погрузился с головой... Судорога отпустила, но остался страх. Развيار огляделся.

Небо разделилось на две половины. С востока наступала темнота, и Летающий Город в который раз поменял свои краски. Из цветного он сделался чеканно-серым, висячие арки налились собственным светом, и мосты украсились цепью огней. С запада еще светились вода и небо, но солнца не было. Оно утонуло. Так всегда.

Развيار посмотрел на маленький корабль, к которому столько времени упрямо плыл. Корабль медленно двигался, на его мачтах разворачивались паруса – синие. Зажегся сигнальный огонь на верхушке мачты; корабль ушел на запад, туда, где горело небо и блестела вода, ушел вдогонку солнцу и дню.

Наступала ночь, но темноты не было. С каждым мгновением зажигались все новые огни. Желтые, белые, оранжевые цепи протягивались от моста к мосту, от башни к башне, и скоро над Мирте повисло зарево, только чуть-чуть уступающее по силе закату. Далеко в море – там, куда ушел корабль – зажегся маяк. На мачтах загорались сигнальные фонари, и несколько крупных огней вспыхнуло один за другим прямо посреди моря. Развيار был окружен огнями, будто на празднике.

Если здесь пройдет корабль, они же увидят меня на воде, подумал Развيار не столько с отчаянием, сколько с удивлением. Когда таможенник назвал его «гекса», когда его решили вышвырнуть за борт, когда он летел уже в воду, брошенный десятком рук – ни на мгновение, ни на единый миг он не верил в свою смерть и не собирался умирать. Не собирался и теперь. Тем удивительнее было, что руки отказываются служить, ноги сделались тяжелыми и тянут на дно, а зубы так стучат от холода, что этот стук, наверное, слышен в городе.

В небе выступили тусклые звезды. Тусклые – потому что их забивало сияние Мирте. Развيار плыл, пытаясь теперь согреться и не ставя другой цели. Море тоже светилось; глубоко под водой – Развيار испугался, как глубоко, – зажглись зеленоватые огоньки. В книге про путешествие на Осий Нос были страницы о морских гадах – хапуне, вседе, морском крючнике, о

донном драконе, в просторечии называемом Утробой. Развиряк ослабел, представив, как в глубине моря под ним открываются горящие глаза и разворачиваются крючья, хоботы и щупальца.

Поверхность воды, сперва державшаяся под подбородком, достигла губ. Потом ноздрей. Потом Развиряк нырнул и вынырнул, и опять ушел под воду с головой. Забарахтался, не желая сдаваться, но почти сразу же выбился из сил.

Налетел ветер с моря. На краю зрения качнулось что-то, на миг закрыв тусклые звезды. Развиряк рванулся: ему померещилась лодка, совсем близко, рядом!

Огромное и темное, пустое раскачивалось на волнах. Не лодка; нечто вроде круглого плота с палкой посередине. Развиряк кинулся к нему, зашлепал по воде руками, разбивая отражение далеких огней и звезд. Хотел ухватиться за край, но пальцы соскользнули. В отчаянии, что умирает так близко от спасения, Развиряк закричал и двумя руками ухватился за деревянный край плавучего сооружения.

Навалился локтем. Отдышался. Теперь, по крайней мере, его не утянет так просто вглубь, море не сглотнет его, не переварит; сопя и кашляя, Развиряк выполз на край плота, как студенистая улитка.

Плот качнулся. Противоположный край поднялся над водой, а тот, на который вскарабкался мальчик, ушел под воду. Развиряк перебрался ближе к центру. Палка, торчавшая посередине деревянного круга, венчалась, оказывается, круглой плоской с фитилем и остатками жира.

Развиряк привалился к этой палке спиной.

Он не утонет. Он дождется на этой штуке утра, и тогда его подберет корабль... Волны мягко покачивали деревянный круг, и казалось, что он плывет куда-то. А может, меня вынесет к берегу, подумал Развиряк и лизнул мокрую ладонь.

Соленая вода не утоляла жажду. Наоборот, стало хуже. Развиряк обхватил себя за плечи, пытаясь согреться. Теперь, в темноте, Мирте сиял во всем своем великолепии – Развиряку казалось, что до него долетает музыка, такая тонкая и нежная, как бывает только от струн под смычком.

И в эту музыку вплеся другой звук – мерное шлепанье. Через несколько мгновений Развиряк понял, откуда оно доносится: черный силуэт лодки скользил по залитой светом воде. Лодка была не гребная и не парусная – колесная. Громче всего были удары лопастей по воде, потом Развиряк услышал поскрипывание вала и неразборчивую песенку. Человек, сидевший на корме, держал поперек колен длинную палку, и на конце ее то вспыхивал, то угасал лепесток огня.

– Не пойму я, красавица, – мурлыкал человек, – не пойму я, красавица, где туда, где сюда, о-о-о... Разве ласки горячие... никогда, никогда... разве ласки, туда, никогда не сюда... Стой! Фру!

Он фыркнул, шлепанье стихло, поскрипывание, наоборот, стало громче. Лодка подошла вплотную к плоту, на котором сидел Развиряк; человек поднял свой шест, встал на ноги – и вдруг замер. За его спиной переливался огнями Мирте, лица Развиряк не мог рассмотреть.

– Эй! Ты кто? – спросил человек со страхом. – Живой или мертвец?

Развиряк хотел ответить, но вместо этого громко стукнул зубами. Человек в лодке, волнуясь, достал откуда-то тусклый фонарь, подкрутил колесико, и стало светлее.

– Ты кто? – человек в лодке поднял фонарь. – Вроде, человек... Вроде, мальчишка... Ты что, с корабля упал?

Развиряк кивнул.

– Вот же ж... – пробормотал человек. – А ну, иди сюда... тут нельзя сидеть, это бакен, понял? Сигнальный огонь... я и так припозднился...

Развиряк хотел перебраться на лодку, но вместо этого свалился опять в воду. Бакен сильно качнулся. Человек протянул Развиряку руку и вытащил на корму.

– Холодный какой... Иди на нос, а то я и сам промокну... Иди на нос, говорят тебе!

Почти всю лодку занимало колесо, откуда смотрели на Развияра две пары желтых глаз. Содрогаюсь, он перебрался через него по изогнутому трапу, сел на носу и снова обхватил себя за плечи. Бакенщик тем временем прикрутил опять фонарь, поднял шест и, потянувшись к бакену, ткнул языком пламени в плоску.

Загорелось сразу, и так мощно, что Развияр прищурился. Бакен, спасший его от смерти, был маленьким и круглым, и глядя на него со стороны, Развияр удивился: как можно было сидеть на такой утлой деревяшке?

– Мне еще три огня, – пробормотал бакенщик. – Припозднился сегодня, ой... Пошли! Ну!

Завертелся барабан, сперва медленно, потом все скорее. Внутри бежали бок о бок темные звери, Развияр не мог их как следует рассмотреть. По сторонам лодки зашлепали лопасти.

– Вот же ж, – бормотал бакенщик. – А я все выпил почти... Ну вот на дне осталось. На!

Он бросил фляжку, Развияр не поймал ее, и фляжка упала на дно лодки.

– Руки дырявые, – сказал бакенщик. – Пей давай... А то.

Развияр с третьей попытки отвинтил крышку. Жидкости во фляге было и правда на дне, а пахла она резко и едко. У Развияра слезы навернулись на глаза.

– Пей, ну! – торопил бакенщик.

Развияр выпил. Сразу ничего не почувствовал, но уже через мгновение ему сделалось лучше; он увидел, как победно сверкают огни Мирте, как отражаются в каждой капле, срывающейся с гребной лопасти, и как отдаляется, покачиваясь на воде, зажженный бакен.

– Кто ты такой, а?

– Разви...яр.

– Юнга? Матрос?

– Не. Нет.

– А кто?

Развияр закашлялся.

* * *

Огни зажигались один за другим. Огромные ездовые крысы, запертые в колесе, знали и выполняли команды «Фру» и «Ну». Развияр заснул.

Он спал, скорчившись на носовой скамейке, не замечая ни холода, ни света. Море убаюкивало его. Он спал, будто предчувствуя: жизнь будет долгой и надо набраться сил.

Его разбудил чужой голос. Из полумрака (возле Мирте ночи не бывают темными) выплыла другая лодка, и молодой сварливый голос окликнул бакенщика:

– Эй! Ты бы еще под утро выехал!

– Припозднился, бывает...

– Бывает... Вот сядет кто-то на мель, тогда тебя и подвесят за это самое «бывает»... Кто это у тебя?

Развияр загородил лицо локтем – слишком ярким показался свет разгоревшегося фонаря.

– На бакене сидел. Я уж думал, утопленник.

– «На бакене»... зачем подобрал его, тебя спрашиваю? Мало бед? Мало тебе второго предупреждения?

– Ну, помирал ведь, на бакене-то... Мальчишка совсем.

Обладатель молодого сварливого голоса подогнал свою лодку поближе.

– Эй, ну-ка отвечай, кто такой!

– Развияр.

- Откуда взялся?
- За борт... упал.
- С какого корабля, а ну, не врать!
- С «Крыламы».
- «Крылама» проходила сегодня, – сварливый человек хмыкнул. – Юнга?
- Нет.
- Что-то мне не нравится этот малый, – пробормотал сварливый человек. – А ну-ка... посмотри на меня, сопля!

Развияр поднял голову. Сварливый человек смотрел на него из полумрака, высоко подняв фонарь.

– Старый, – сказал изменившимся голосом. – А ну, глянь на него, тебе там ближе. Сдается мне, что у него гексавая рожа.

Бакенщик, подобравший Развияра, посветил ему в лицо фонарем. Развияр зажмурился. Тихонько плескалась волна, трогая лопасти гребных колес.

– Что, – сказал бакенщик изменившимся голосом. – Выкинули с корабля, так?

Развияр снова начал дрожать. Сварливый ругнулся длинно и непонятно.

– Не любят они, – пробормотал бакенщик. – Да. У них с этим... строго.

Сварливый снова разразился руганью. Обложил Развияра, потом перекинулся на Золотых и дальше ругался не переставая – монотонно. Глаза его, обращенные к сияющему городу, блестели, как у крысы в барабане.

– Что делать-то? – спросил бакенщик в пространство. – Я и сам-то... У самого временное право на жительство, два предупреждения, а с третьим дадут мне пинка под зад... Что с тобой делать, парень? Куда девать? В город нельзя... Да и здесь тоже неподходящее место для гекса, ох, Шуу тебя раздери...

Он завертел головой, будто ожидая, что из волн поднимется вдруг подходящее место для Развияра.

– Выкинь его, – сказал сварливый.

– Так, это...

– Или отвези к маяку.

Бакенщик поперхнулся:

– Да он же полоумный! Мало ли что... Гоняться начнет, или убьет, и ничего ему за это не будет... Как тогда, когда он рыбака зарезал...

– Ну, тогда выкинь.

– Я же не Золотой – человека в море выкидывать, – тихо сказал бакенщик.

– Ну, вези.

– Далеко, это же крыс гонять, а они и так заморенные.

– Ну, выкинь, чего ты мне голову морочишь? Раньше думать было надо, прежде чем гексаненка подбирать, старый дурак, утробья отрыжка...

И снова полился однообразный поток ругательств.

* * *

Одинокая скала поднималась над водой каменным островом. Лодка Развиярова спасителя подошла к нему перед рассветом, когда небо серело, теряя звезды. Вблизи слышно было, как трещит и воет пламя в прозрачной чаше маяка.

– Ну вот, – сказал бакенщик. – Судьба у тебя, парень, конечно... эх. Знавал я одного гекса... Зверь зверем, конечно, но мне здорово помог... Ты иди. Мне возвращаться надо.

Развияр перелез с кормы на камень. Бакенщик ударил шестом по борту:

– Ну! Пошли, хорошие, давай!

Завертелось колесо. Зашлепали лопасти. Развияр постоял, глядя вслед лодке; островок был крошечный, пламя маяка выло, казалось, над самой головой.

В камнях бегали мокрицы, здоровенные, возможно, съедобные. Развияр посидел на камне, отдыхая. Он очень устал и ослабел. Мимо, совсем близко, прошел нарядный корабль на светлых парусах – скоро он будет в Мирте... Если не задержат на таможне...

Развияр догадался, что на него смотрят. Повернул голову. На скале позади него стоял полуголый старик в рваной кожаной юбке. Тело его, высохшее и жилистое, в свете маяка казалось красным, борода и седые волосы торчали во все стороны, как венчик, а нос, выдающийся далеко вперед, был темного лилового цвета.

Полоумный голый старик. Убил какого-то рыбака, и убийство сошло с рук. Что говорить о Развияре, которого уже один раз приговорили?

Он сидел на камне и смотрел на старика снизу вверх. Даже не поднялся навстречу – не было сил.

Старик махнул рукой, властно приказывая убираться. Его нос налился кровью, сделавшись почти черным. Развияр сполз с уступа, попятился в воду, нащупывая ступнями скользкие камни. Дальше уходить было некуда.

– Умные они, – со злобой сказал старик. – Уроды!

Он повернулся и зашагал вверх по камням. Затылок у него был голый – казалось, лысина невзначай сползла с обычного места, как сползают неудобные шляпы.

У самого подножия маяка старик обернулся. Окинул Развияра бешеным взглядом, уперся руками в бока, всем видом изображая возмущение:

– Ну что? Чего тебе?

– Дайте... попить, – прошептал Развияр. – Пожалуйста.

* * *

Маяк был костяной. Не то иголка исполинского морского ежа, не то прямой бивень, а может, зуб. Высокий, изнутри полый. Деревянная лестница, устроенная в полости, вела наверх – к баку, заполненному маслом, к фитилям и винтам, к запальному отверстию.

Старик звал себя Маяк. Не то забыл свое настоящее имя, не то отказался от него за ненужностью. Он жил здесь много лет совсем один, питался рыбой и птицей – на то и другое у него стояли хитрые ловушки. Водоросли, которыми поросла подводная часть острова, старик ел с особенным аппетитом. Пил дождевую воду. Только масло для маяка – жирное, густое, необыкновенно горючее – привозили из Мирте.

Жилищем служила пустая раковина огромного моллюска, закинутая на остров давно забытым штормом. Раковина стояла, как раскрытая книга переплетом вверх. Ее темные створки, поросшие мхом и засыпанные пеплом, служили скатами крыши. Внутри было темно-вато, но старик не нуждался в свете. Над его головой ночи напролет горел маяк.

Развияр напился воды, которую старик плеснул ему в железную кружку, съел белую, с мягкими костями рыбу, вареную, давно остывшую. После этого лег, и уснул, и проспал, наверное, почти сутки. Когда он разлепил веки, опять был рассвет, старик бродил в камнях у берега, вытягивая из воды гирлянды водорослей, нюхал их, рассеянно надкусывал – и продолжал выбираться дальше. На спине у него можно было сосчитать каждый позвонок. Рваная кожаная юбка хлопала на ветру. Морская гладь казалась розовой, а дальше, над горизонтом, парил великий город, роняя, как звезды, один огонек за другим.

– Задуть-то свечку, – пробормотал старик себе под нос, но Развияр услышал. Аккуратно сложив на мокром камне добытые водоросли, старик поднялся к маяку, кряхтя, пробрался в низкую дверь и исчез. Прошла минута, другая, потом высокое пламя маяка зашипело. Дождем

посыпались искры, Развияр испугался – но почти все они гасли, не долетев до земли, и на голову незваному гостю упала только пригоршня пепла.

Погас и маяк. Это было, как закат, случившийся за одно мгновение. Мир вокруг изменился так внезапно, что Развияру пришлось сесть на камень, спасаясь от головокружения.

Раздвинулся горизонт. Открылись корабли, стоящие на рейде, и другие, подходящие из открытого моря. Пропали резкие тени, мир сделался мягким, как вода, а Мирте на горизонте будто вырос, воспарил выше и в утреннем свете показался добрым.

Из низкой двери в основании маяка выбрался старик.

– На маяк чур не ссать, – сказал торжественно, глядя мимо Развияра. – Вон море есть, туда и отливай!

* * *

Они почти не разговаривали. Маяка будто не интересовало, откуда взялся Развияр и что собирается делать дальше. Каждый вечер старик поднимался по лестнице, чтобы зажечь маяк, и каждое утро гасил его, втягивая фитиль с помощью особого механизма. Развияр не мог понять, когда старик спит – казалось, он не ложился никогда, все бродил по камням, вытаскивал рыбу, однажды поймал мясистого красного осьминога и приготовил на жаровне; ни дров, ни хвороста на острове не было, но старик ничего, кроме водорослей, не ел сырым. Для стряпни он использовал фонарное масло, а посуды у него было на удивление много.

Каждый день мимо маяка проходили корабли. Старик смотрел на них оценивающе, иногда плевал вслед, иногда махал рукой, но ничего не говорил вслух. Развияр видел, как ушла «Крылама». Ему странно было вспомнить, как сам он стоял на ее палубе, и страшно – как мимо двигался поросший ракушками борт.

Он не знал, кто там сейчас, на «Крыламе». Пассажиры давно растворились в городе, остались на цветных мостах под золотыми куполами. А капитан на судне наверняка прежний, и команда тоже... Они уйдут и вернуться. И снова уйдут. Они могут плыть и бродить по всему миру, а он, Развияр, не умеет ходить по воде!

Он провожал каждый корабль с жадностью и надеждой. Он мог бы уплыть, он мог бы вернуться на материк; если бы хозяин Агль знал, что Развияр выжил! Уж он бы точно раскопелся на лодку, чтобы забрать с маяка «свое богатство». Но хозяин, конечно, не знал; может быть, он и сам давно уехал из Мирте, может, уходящая «Крылама» уносила и его...

Далекий город каждое утро вставал на горизонте, парил над водой, переливался радужно, поблескивал золотом, менял цвета и зажигался огнями, и так светился до утра. Развияр не раз и не два пытался представить, что там живут за люди. Высокие, поджарые, со смуглой кожей и золотыми волосами; вот бы посмотреть на их женщин.

Странно, что сидя на камне посреди моря, обветренный, измученный, полуголодный Развияр впервые, может быть, в жизни так много думал о женщинах. Может, так действовал на него прекрасный и недоступный город. А может быть, никогда раньше у Развияра не было столько свободного времени.

Добывать еду и есть. Больше ничего. Развияр бродил по острову, собирая обломки раковин, но их было мало, тусклых, некрасивых. Он помогал старику разделять рыбу и – иногда, если повезет – ощипывать пойманных птиц. Старик молчал. Развияр смотрел на рыбью чешую, сложенную в узоры, и у него перед глазами возникали страницы переписанных книг – он помнил их почти все.

Однажды днем, спрятавшись в тени маяка, Развияр стал читать вслух – не последнюю книгу о «Путешествии на Осий Нос», а ту, что переписывал раньше, когда «Крылама» только вышла из порта Фер. Это была история о фаворитке самого Императора, очень редкая в Фер и запрещенная в Империи. Хозяин Агль собирался продать переписанный экземпляр в Мирте

– за большие деньги. Развияра вовсе не интересовали похождения фаворитки: она одинаково обходилась со всеми мужчинами. Его интересовали картины чужой жизни, приукрашенные, но все-таки похожие на правду.

Развияр читал, полузакрыв глаза, мысленно переворачивал страницу и читал дальше: город у подножия вулкана... Темные лабиринты со слепыми стражниками... опочивальня императора, белые и синие огни... Длинный зал, бассейны, подсвеченные сверху и снизу, толпы придворных, музыканты с морскими раковинами...

Тень маяка переместилась. Развияр перебрался, догоняя ее, на другой камень. Тень раздвоилась и слилась снова; подняв голову, Развияр увидел старика – тот сидел на камне, глядя на далекий город Мирте.

Развияр смутился. Он долго молчал, прежде чем снова начал читать вслух. То ли от жары, то ли от монотонного плеска волн память у него помутилась – он бросил книгу о фаворитке и мысленно открыл другую. Это были «Поучительные сказания о людях, животных и прочих тварях» – разные истории, записанные одна за другой, и невозможно было отличить вымысел от правды. О том, как верные жены летают на праздник к королеве цветов, но палуба воздушного корабля проламывается под ногами неверных жен. О том, как сытуха пожелала стать крыламой. Как дочка дровосека решила выйти замуж. Об огненных личинках, живущих в черном яйце: «Когда треснет скорлупа – выйдет огненная тварь на свободу, и станет служить тебе три дня и три ночи, подчиняясь словам и желаниям. Ей не страшны ни стрела, ни клинок...»

Развияр водил пальцем по ладони, выписывая невидимые знаки; книги рассказывали обо всем, но ни в одной из них не было слова «гекса».

Тень опять переползла. Развияр сидел на солнцепеке, а рядом, тоже на солнцепеке, сидел старик и смотрел на горизонт.

* * *

Старик по-прежнему ничего не говорил. Каждый день, погасив маяк и закончив заботы о пище, он садился в тени, и чуть поодаль садился Развияр. Внимательно смотрел на свою левую ладонь – рано или поздно на ней появлялись воображаемые знаки, тогда Развияр водил по ним пальцем и читал вслух.

Иногда старик сидел долго. Иногда скоро поднимался и уходил. Развияр читал сам себе, потом, когда жара становилась невыносимой, окунался в море. Его одежда заскорузла от соли, он ходил голышом, как старик. Белая кожа шелушилась на плечах и руках, облезала клочьями, но Развияр уже не чувствовал боли.

– А что такое «гекса»? – спросил он однажды у старика.

Надежда на ответ была слабенькой. Тем не менее Маяк отозвался почти сразу:

– Это племя.

– Где они живут? – спросил Развияр, обрадованный успехом.

Но на этот раз старик не ответил.

* * *

Прошло много дней. Развияра тошнило от вареной рыбы, он смотреть не мог на водоросли. Кусочек хлеба снился ему днем, когда он засыпал под створками огромной раковины, и ночью, когда пламя в маяке выло и билось на ветру.

Он рассказал все переписанные им книги, некоторые по два и по три раза. От скуки он вспомнил книги на чужих языках; их было немного, всего-то три или четыре, зато они были толстые. Знаки на желтых страницах ничего не значили, они чередовались безо всякого смысла, и только некоторые походили на буквы. Развияр придумывал звучание каждой букве

и проговаривал их вслух. Получалось очень смешно, какое-то рыбье бульканье пополам с птичьим свистом; иногда, проговорив фразу-другую, Развияр валился на спину и начинал хохотать, и старик смотрел на него, как на полоумного.

Однообразие жизни на острове, ревущее пламя маяка, книги, прочитанные вслух и перелившиеся в сны, сны, ставшие бредом в жаркий полдень – все это могло свести с ума. Но страшнее всего для Развияра была догадка, ставшая подозрением, ставшая кошмаром и переросшая в уверенность: вся его жизнь пройдет здесь, на острове у подножия маяка. Из года в год он будет, как старик, бродить голышом, варить рыбу на масляной горелке, зажигать и гасить маяк. Имени у него не останется; он станет Маяком, а потом умрет, и его тело сбросят в воду – наконец-то море получит его, как и было велено. Это приговор, а остров – отсрочка, длинная и скучная. И, поверив в это, Развияр решил подняться на вершину маяка и броситься оттуда вниз головой.

Неизвестно, исполнил бы он свое решение или нет, но два события случились одно за другим, и все изменилось.

* * *

– Фру!

Крысы в колесе замедлили ход. Знакомая лодка развернулась кормой к берегу, знакомый бакенщик поднялся, удерживая равновесие, и сложил ладони рупором.

– Эй! Маяк! Забирай горючку!

Развияр лежал в укрытии, в хижине под крышей из раковины. Старик велел ему убраться с глаз, как только стало ясно, что какая-то лодка идет напрямик к острову.

Старик, кряхтя, спустил в воду широкую темную доску – единственную доску на острове, служившую и столом, и ложем. По этой доске предстояло вкатить наверх бочку с фонарным маслом для маяка.

– А где малой? – крикнул бакенщик. – Зови, пусть помогает!

Развияру было видно из своего укрытия, как старик повернул голову, испытующе глядя на бакенщика.

– А что? – удивился тот. – Утопил ты мальчишку, что ли?

– Иди! – крикнул старик.

Тогда Развияр вышел. Вдвоем со стариком они вкатили бочку по доске и оставили в выемке среди камней. Бакенщик, не скрывая любопытства, разглядывал голого загорелого Развияра; старик тем временем сходил за пустой бочкой, скинул в воду, она закачалась на волнах, и бакенщик ловко подцепил ее багром.

– Эй, гекса, – крикнул бакенщик, – да ты отъелся на свободной жратве!

– Иди, иди, – проворчал старик.

Бакенщик весело крикнул своим крысам:

– Ну! Пошли, милые, пошли, к обеду успеем!

И ушлепал по направлению к городу.

* * *

На солнце железная бочка разогрелась так, что обжигала ладони. Развияр и старик вкатили ее наверх. Это была непростая работа: Развияр не понимал, как прежде старик мог один с ней справляться. Прокатить по доске, оставить в выемке, перенести доску выше, подсунуть под бочку. Снова перекатить, оставить на уступе, перенести доску выше... Наконец, бочка встала на свое место у основания маяка, старик вытащил затычку и просунул в отверстие жирный, промасленный конец фитиля.

– Пожарим рыбу сегодня, – сказал, обращаясь к бочке. – Ты трубочку-то возьми и горячки отцеди... Покажу, как.

Впервые старик заговорил сам. Впервые предложил заняться хозяйством; раньше он все делал один, а Развيار помогал как мог, по собственному разумению. Развيار и удивился, и увидел в этом добрый знак.

Старик научил его отцеживать масло из бочки (с непривычки несколько капель попало Развиару в рот, он с отвращением сплюнул). Потом Маяк велел наскрести соли с камней, а сам поджарил рыбу на железном листе, щедро сдабривая маслом и посыпая солью. Когда солнце склонилось и с моря подул прохладный ветер, Развيار и старик, устроившись у берега, ели вкусную, в нежной корочке рыбу и запивали ее дождевой водой, и смотрели на Летающий Город Мирте.

– Может, ты маг? – спросил старик.

– Я? – Развيار удивился. – Да был бы я маг, ходил бы по воде!

Далекие бирюзовые мосты меняли цвет, становясь изумрудными.

– И ушел бы отсюда?

– Да.

– Если ты не маг, откуда все это знаешь? Ты бредишь чужими словами. Может быть, ты заколдован?

– Нет. Я переписчик книг.

– Одно другому не мешает, – заметил старик.

– Хозяин Агль, – сказал Развيار, – чуть все волосы у себя не вырвал, когда меня велели выбросить. Я могу за три ночи переписать книгу, которая стоит сто императорских реалов! А ведь он купил меня за жалких несколько монет, сам рассказывал!

– Значит, ты раб?

Развيار задумался.

– Не знаю. Теперь хозяин Агль думает, что я умер, а значит, я свободен...

– Только мертвые свободны, – старик растянул в усмешке черные запекшиеся губы. – Мы оба мертвецы, сынок. Радуйся.

Развيار откинулся на плоский теплый камень и закрыл глаза. Вкусный ужин удобно лежал в животе. Старик назвал его «сынок», Развيار помнил, что и раньше его так называли... Очень давно...

Может быть, мне понравится быть мертвецом, подумал Развيار и задремал ненадолго – всего лишь на несколько минут.

А когда он открыл глаза, старик уже стоял, опершись босой ногой о камень, и смотрел на горизонт из-под ладони. Напряжение было в его позе, в натяжении мышц, даже в редких волосах и вздыбленной бороде: прежде старик никогда так не смотрел.

– Что там? – спросил Развيار.

* * *

Небольшое судно, гребное, черное, подошло очень близко. Никогда большой корабль не оказывался так близко от острова – наверное, галера была плоскодонной и не боялась подводных камней.

Развيار по приказу старика спрятался в хижине и лежал, не шевелясь. Он почти ничего не видел, зато слышал каждое слово.

– Эй! – крикнул с воды молодой хрипловатый голос. – Маяк!

– Чего тебе? – сварливо отозвался старик.

– Отдай гексаненка. Очень нужно.

Развيار обмер под сводом из раковины.

– Какого? – рявкнул старик с ненавистью. – Гребни отсюда к Шуу в задницу!

Человек на корабле рассмеялся:

– Маяк, ты дурак. Баки-Баки проговорился в таверне, не сегодня-завтра тут будет патруль. А Золотым не нравится, когда их посылают к Шуу! Давай, мне гребец нужен, у меня Толстого подрезали в плавучей таверне.

Стало тихо. Солнце садилось в море, Развияр не мог его видеть, но по бликам на воде, по цвету воздуха чувствовал: солнце утонуло ровно наполовину.

Старик молчал. Плескались волны у берега.

– Эй, Маяк, ты заснул?

Путаясь в просоленных тряпках, Развияр выбрался из-под раковины. Он не до конца понимал, происходит с ним счастье или беда, но не мог оставаться на месте. Почти у самого берега покачивался темный корабль, он стоял к маяку кормой, растопырив весла, и показался Развияру похожим на черную птицу – пластуна.

На корме, упершись ногой в бочонок, возвышался молодой чернобородый мужчина в белой рубашке, запятнанной, кажется, кровью. Его левая рука покоилась на перевязи. Он первым увидел Развияра.

– Тощий, – дал свое заключение. – Но гекса все выносливые, даже полукровки. Парень, давай на борт!

На ходу, спотыкаясь в камнях, Развияр натянул рубашку и штаны, заскорюзлые, колючие, но еще не очень рваные. Старик не обернулся. Развияр остановился рядом, вопросительно заглянул в лицо, обрамленное, как венчик, белыми волосами.

Старик посмотрел ему прямо в глаза – впервые за все время, что Развияр прожил на острове.

– Слушай, – сказал старик еле слышно. – Кладешь на камень, рукой рисуешь вот так, – он чиркнул по воздуху правой рукой, сложив пальцы щепоткой, – и говоришь...

Его голос из шепота превратился в еле слышный шелест, но Развияр услышал.

– Говоришь: «Медный король, Медный король. Возьми, что мне дорого, подай, что мне нужно». Запомнил?

– Медный король...

– При людях не повторяй!

– А что кладешь? – Развияр нахмурился, он хотел попрощаться и ждал от старика других слов. Но тот, похоже, никогда не делал того, что от него ждали.

– А что тебе дорого, то и кладешь, – резко сказал старик и отвернулся.

– Эй, парень! – торопил чернобородый в белой рубашке. – Долго тебя ждать?

– И что будет? – Развияр ближе наклонился к старику.

– Ничего не будет! – выкрикнул тот с непонятной злостью – Иди!

Больше из него нельзя было вытянуть и слова. Решившись наконец, Развияр вошел в воду, вплавь добрался до галеры, и его подняли на борт.

* * *

Галера называлась «Чешуя».

Всю ночь Развияр греб, сидя на скамейке между лысым, голым до пояса человеком и другим, совсем молодым, болтливым и липучим. Развияру трудно было разговаривать на веслах – он не умел, не привык грести и быстро устал, а молодой сосед все расспрашивал его, кто он и откуда, и требовал новых подробностей, пока, в свою очередь, не выдохся и не замолчал.

Мерная работа, раскачивание, поскрипывание вогнали Развияра в транс. То ему казалось, что он снова на борту «Крыламы», надо заканчивать книгу, а пальцы не держат перо. То виделся Мирте, маячивший на горизонте столько долгих дней, а теперь сгинувший в тумане.

То вспоминался старик по имени Маяк, и Развيار заново удивлялся и обижался его прощальным словам. «Медный король...» Старика считали полоумным, да так оно, наверное, и было.

Утром поднялся попутный ветер, и гребцы сложили весла. Развيار не сразу смог подняться со скамейки: спина болела, ноги затекли, а ладони оказались стертыми до крови. На палубе разливали суп и раздавали хлеб; увидев, как длинный нож кромсает румяные ломти, Развيار забыл об усталости и боли.

Он сел у борта, положив миску на колени. Ложки не было – каждый из гребцов откуда-то достал свою; Развيار растерялся, но тут рядом уселся чернобородый в белой рубашке. Молча протянул Развиару деревянную ложку с резными узорами.

– Спасибо!

Суп заструился, кажется, по жилам вместо крови. Запах наполнил глотку и нос – похлебка оказалась такой вкусной, какой Развيار не пробовал даже в доме хозяина Агль, даже на борту «Крыламы». Но главное – хлеб – Развيار приберегал на потом.

– Устал? – спросил чернобородый. – Это с непривычки. Не бойся: гекса крепкие, с них можно шкуру драть, потом новая отрастает.

Развيار перестал хлебать. Глянул с подозрением.

– Ты не больно-то похож на гекса, – чернобородый ободряюще подмигнул. – Только Золотые видят, у них глаз на такие дела пристрелянный... да подзолотки, которые с правом на жительство, тоже замечают, им положено. Ты был раб, так? Слуга?

– Переписчик.

– Грамотный? – человек нахмурился. – Это забудь, нам оно без надобности. Нам идти против ветра двадцать дней... Если повезет. Так что старайся, парень, выгребай, как положено, и будет тебе награда... Внизу гамаки висят, поешь – и на боковую. А ложку себе оставь, потом отдашь... Кстати, зовут меня Арви.

И он ушел, оставив новичка с пустой миской на коленях.

* * *

Похлебка, согрев изнутри, раззадорила Развиаров голод. Ни странные речи чернобородого Арви, ни нарастающая качка, ни усталость не могли этот голод притупить.

Второй миски не полагалось. Развيار устроился на корме среди свернутых канатов и взял обеими руками хлебный ломоть.

Этот хлеб вышел из пекарни совсем недавно. Он не походил на сухари, которыми довольствуются матросы в море. Он был подарком из Митре, парящего города, который навсегда исчез за кормой. Развيار, закрыв глаза, вдохнул хлебный запах.

Снова вспомнился старик. Никто не привезет ему хлеба, старый Маяк давно забыл, что это такое. «Возьми, что мне дорого, подай, что мне нужно». У старика дико горели глаза, когда он произносил эти слова. Его обычно тусклые, равнодушные глаза...

Что нужно Развиару?

Не много. Пусть перестанут гореть ладони, пусть не ноет спина. Хорошо бы еще одну краюшку хлеба, и миску супа тоже неплохо. Хорошо бы сбежать с этой галеры, Развиару здесь не нравится, хотя чернобородый Арви кажется добрым. Хорошо бы найти нового хозяина, чтобы не таскал за уши, как мастер Агль...

Он мечтал – и уже не мог остановиться. Никогда в жизни он так не мечтал; начав с малого, он все желал и желал, и уже видел себя посреди Императорской библиотеки, где собраны все книги мира, и он, Развيار, их хранитель и переписчик...

Мог ли старик сам оказаться магом? Мог ли он научить Развиара волшебному заклинанию?!

Хлебный ломоть был дороже всего на свете. Так казалось Развиару; он выбрал на палубе чистое место и положил перед собой хлеб.

Оглянулся. Никто не смотрел: люди отдыхали после тяжелой работы, кто-то спустился в трюм, кто-то устраивался на палубе. Арви стоял рядом с рулевым; над головами у них надувался косой парус, когда-то черный, а теперь выгоревший и покрывшийся соляными разводами. Никому не было дела до новичка: наверное, гребцы на «Чешуе» часто меняются...

Развиар поднял руку – и в точности повторил то движение, которому научил его старик.

– Медный король, Медный король... Возьми, что мне дорого! Подай, что мне нужно! Я хочу...

Но прочие слова застряли у него в глотке, потому что хлеб вдруг дрогнул, будто окутанный дымкой, и пропал. «Чешую» сильно качнуло; покатился незакрепленный бочонок, вырвался рулевой, завыл ветер в снастях. Галера шла по беспокойному морю, за кормой вставало солнце, и все было, как прежде, но хлеб исчез, не осталось ни крошки, и Развиар напрасно водил рукой по тому месту, где лежал драгоценный ломоть.

– Как это может быть?!

Он ни разу в жизни не видел магию в действии. Но то, что случилось, было именно волшебством, непостижимым и злым. Как старик, которому он помогал собирать водоросли, ловить рыбу, выкатывать наверх бочку, – как старик, к которому Развиар почти привязался, мог сыграть с ним такую жестокую шутку?!

Он не удержался и заплакал – впервые с того дня, как хозяин Агль ни за что ни про что оттащил его за уши.

* * *

Гамаки висели в три яруса вдоль бортов. Развиар нашел себе место в самом низу. Свет пробивался сквозь щели палубы. Развиар лег и, провиснув в гамаке, спиной коснулся холодного дерева.

Над ним покачивалось в сетке грузное тело гребца – сосед Развиара спал в своем гамаке, как в коконе, и казался личинкой огромного насекомого. Храп, сопение, сонное бормотание усталых людей вплетались в шум волн и скрип мачты. Развиар закрыл глаза, но не уснул.

Ему увиделось поле, поросшее зелеными колосками, окруженное лесом. Огромные деревья, много выше маяка, стояли плотно, ствол к стволу, сцепившись ветками. Светило солнце. Колоски шевелились под ветром, и вдоль межи – а тропинка вдоль поля называлась «межа» – бежал человек на ходулях.

Это было очень давно. А может быть, и не очень.

Его отец служил обходчиком на поле, бегал на ходулях, отгоняя в лес паразитов. Ходули его были выше человеческого роста, сверху хватки для рук, а внизу – вытесанные из дерева два огромных копыта. Земля дрожала, когда отец бежал на этих ходулях, и каждый шаг его был – как десять обыкновенных шагов; отец громко говорил, громко смеялся, много ел, а когда был в духе, подбрасывал Развиара к потолку их деревянного дома... Значит, у них был дом. Точно, был: порог в две каменных ступеньки, сени без потолка – из них видна двускатная соломенная крыша, темная, очень высоко над головой. Направо и налево двери, направо в дядькину половину, налево в отцову, и вот там уже был потолок. Развиар, взлетая, хохотал, а женщина с волосами до пола кричала, что он убьется...

Женщина?

Воспоминание оказалось не просто приятным – завораживающим. Развиар испугался, что вот сейчас оно уйдет. Может, это сон? Но почему глаза открыты?

В трюме храпели. По палубе кто-то прошел, солнечные полосы в щелях погасли и снова загорелись. Развиар крепко зажмурился. Снова, будто не веря себе, вызвал в памяти лицо

отца... И разглядел – под закрытыми веками! – его колючую щеку, железную серьгу в маленьком темном ухе, веселый зеленый глаз...

Женщина! Рядом с ним женщина с черными волосами до пола. Мать: белые щеки, высокие скулы и темные глаза, на шее ожерелье из змеиной кожи. Отец говорил, ее укусила белка. И мать сама превратилась в белку и убежала в лес. С тех пор, когда отец обегал поля на своих ходулях, за ним иногда увязывались белки. Стелились по земле, одна за другой, и не хватит пальцев, чтобы их сосчитать. Так рассказывал отец, сам Развияр никогда не видел...

Картинки появлялись перед глазами, как раньше появлялись буквы в книгах. Стоило только о чем-то подумать. Вот и сейчас: бьют в землю деревянные копыта. Бежит человек на ходулях, а за ним, распушив хвосты, шлейфом струятся белки... Ярко-рыжие, темно-рыжие, и цвета песка, и цвета огня, они похожи на волны. На бегущие, озаренные солнцем волны.

Развияр облизнул пересохшие губы. Бочка с водой там, на палубе... Он выбрался из гамака, встал, пошатываясь, двинулся к лестнице, спотыкаясь о чьи-то руки, мимо сопящих и бредящих во сне, туда, где был люк в щелястом потолке.

На четвереньках выбрался на палубу. Здесь было лучше: свежий ветер, соленые брызги, солнце на воде. Зачерпнул воду из бочки, загремел цепью, захлебываясь, выпил – одну кружку и сразу вторую.

Не хотелось обратно в трюм. Развияр устроился у борта, свернулся калачиком, положив под голову кулак. Закрыв глаза – и снова увидел, как бегут по полю сотни белок.

Его дом сгорел. Чужие крики лопались в ушах, как пузыри в лужах. Почти человеческим голосом ревело пламя. Это было много после того, как мать стала белкой. А что случилось с отцом? Может быть, он спасся из пламени? Может, он до сих пор жив?

Развияр с силой потер лицо. Что с ним происходит? Почему он раньше ничего этого не помнил, и вспоминать не пытался?!

У него были дом и родня. Старая бабка, мать отца, рассказывала о том, что случилось раньше. О каменном великане, прозванном «мертвой статуей»... Давным-давно, еще когда Развияров дед не родился, кто-то подбил на распутье каменного великана. Говорят, великий волшебник подбил. Великан упал на колени, повалился на бок, но не умер до конца: еще Развиярова мать, когда была маленькая, своими глазами видела, как статуя поднимает каменные веки и глядит...

Развияр попробовал представить бабкин рассказ строчками в книге – и не смог. Она рассказывала, как выкорчевывали леса, как жгли их, отвоеывая землю для колосков, а горелые пни приходили по ночам в деревню и вытаскивали из постелей спящих людей. Маленький Развияр пугался таких рассказов, отец ругался и говорил, что теперь-то, когда людей стало много, ни один пень на такое не отважится...

И еще бабка рассказывала, как в лесу появилась мать Развияра. Она ходить не умела, а ехала на двуногой ящерке верхом. Ящерка потом сдохла, хотели чучело сделать, да чучельник все испортил по пьяни. А девочка здоровая оказалась, ходить научилась и бегать, выросла красавицей, ну, Развияров отец и взял ее за себя...

– Только не в Мирте, где каждый раб сосчитан, – сказал знакомый голос. Развияр разлепил веки.

У противоположного борта стояли Арви и его поделщик, широкоплечий белобрысый человек по имени Лу. Они разговаривали, то ли не замечая Развияра, то ли не обращая на него внимания.

– Ты же знаешь, беглых у них нет, – продолжал Арви. – Сами рабами не торгуют, а наши, из Фер, по лицензии. На рынке за одного гребца заплатишь, как за полгалеры, а наемному тоже плати... Да чего там – удачно получилось, оно на пользу все равно.

Развияр снова закрыл глаза. Увидел ящерицу размером с человека, стоящую на двух ногах, и на спине у нее в крохотном седле – ребенок...

– Слушай, – сказал глухой голос, наверное, говорил Лу. – Мы хорошо сходили в этот раз. Больше такого везения не будет.

– Хочешь прыгнуть? – голос Арви неприятно истончился, стал колючим.

– Мы богатые. Хватит, Арви.

Долго длилось молчание. Развир почти заснул.

– В последний раз, – сказал Арви. В полусне Развира его слова раскатились эхом: «В последний раз... раз...»

– Все так говорят. А потом их сжирает эта тварь. Или берет патруль. Или они умирают уже в Мирте от неизвестной причины. Не знаю, что хуже.

– Одна шкура – это дом на побережье, Лу.

– Мы уже продали полторы шкуры. Нам хватит.

– Если ты боишься, – уходи, – голос Арви опасно понизился. – Только доли твоей в новой ходке – не будет.

– Моя доля в галере. Две десятины отдай.

– Ни десятины, Лу. Ведь это *меня* сожрет тварь или расстреляет патруль, или убьют в Мирте. Я выкуплю у тебя галеру, и беги.

И опять сделалось тихо, только шумело море.

– В последний раз, – со злобой сказал Лу. – Шуу с тобой, капитан.

* * *

«Чешуя» шла на запад. Ветер редко бывал попутным, работать приходилось день и ночь, гребцы сменялись каждые несколько часов. Развир окреп; правда, вместо хлеба теперь раздавали сухари, но зато крепкие и вкусные, да и суп варили жирный. Развир наелся не всегда – он стал прожорлив от тяжелой работы, а может быть, оттого, что пустился в рост. А в том, что он рос, не было сомнений – вытягивался, раздавался в плечах и будто расширялся изнутри. Работал ли он на веслах или лежал в гамаке, или сидел у борта, подставив лицо ветру – он постоянно видел картинки, четкие, яркие.

Он видел лес, похожий на лабиринт из многих комнат. Ветки образовывали свод, а стволы и лианы, кустарники с мясистыми листьями были непроходимы, как стены. Человек, не зная леса, терялся в нем за минуту, но Развир в своих воспоминаниях был жителем этого дома и знал его, как ладонь.

Вечером под сводами загорались светляки: бледно-голубые, зеленоватые, матово-белые. Каждый листок отбрасывал тени по числу огней. В мыслях своих Развир лежал на берегу крохотного озерца и смотрел на светлячка, зависшего на паутинке. Светлячок был самкой, готовился отложить яйца и потому медленно менял цвет – от зеленого к розовому, через многие опаловые оттенки.

Море говорило водой и ветром, скрипом снастей, ударами весел. Развир, бывало, так погружался в мечты, что только грубый тычок мог вернуть его к реальности. Он греб и ел, лежал в вонючем трюме, покачиваясь в гамаке и слушая храп; он мысленно поднимался по двум каменным ступенькам, проходил через прохладные сени, открывал дверь. Бывало, что дом пустовал, только завернутый в тряпочку чугунок стоял на столе, приглашая пообедать. А случалось, что его встречали отец, или мать, или бабка, или все сразу; а еще бывало, приходила с дядькиной половины двоюродная сестра – рыжая, как белка...

Иногда Развиру становилось нехорошо, его знобило, и ворочался ужин в животе. Тогда ему виделись языки пламени и черный дым: горел дом и горела вся деревня, а кто их поджег, Развир не мог вспомнить. От страха он бросился в лес, и там бродил много дней, питаясь улитками, грибами и ягодами, пока его не подобрала проезжие чужие люди и не продали, через несколько месяцев, хозяину Аглю...

Где это было? Что за лес? Где искать отца, если он уцелел, и дядьку, если его не убили?

Тем временем «Чешуя», быстрая и легкая галера, бежала все дальше и дальше на запад. Все чаще набегали тучи, ночи делались прохладнее. Развийяр понемногу излечивался от задумчивости: теперь он больше размышлял, чем грезил.

Его ладони покрылись жесткими, как дерево, мозолями. Он понемногу стал водиться с остальными гребцами – не дружил, конечно, но и не дичился, как поначалу. Оказалось, что сидеть в кружке с другими, слушать разговоры, иногда вставлять слово и смеяться вместе со всеми – не только весело, но и очень полезно. Эти люди знали больше, чем обычно говорили, но Развийяр научился по крошечным оговоркам достраивать невысказанное.

Половина гребцов давно плавала с Арви и Лу. Другая пришла на галеру только на этот рейс. Все были вольные, на уговоре. Все остались довольны оплатой рейса, и только двое собирались сойти с «Чешуи» в порте Фер. Галера побывала в «опасном деле» – о нем вспоминали с гордостью, но вслух не говорили, а спрашивать напрямую Развийяр не решался. Его почему-то считали рабом. Развийяр не спешил никого разубеждать.

Он смотрел на себя со стороны и видел ушастого, с растрескавшимися губами, больше-ротого подростка. Ясно, зачем его подобрали Арви и Лу – гребца-новичка не пришлось покупать на рынке Мирте, и ему не надо платить по уговору. Но что с ним будут делать дальше? Что делал бы Развийяр, будь он Арви и рассуждай, как он?

Продать дармового раба на рынке в большом городе. Вот что первым делом должно прийти капитану в голову. Гребец из подростка плохой, даром что окреп по дороге. Но молодой, здоровый, грамотный – за вырученные деньги можно нанять по уговору троих взрослых мужчин... Так, наверное, рассуждали прочие гребцы – они давно решили судьбу Развийяра. Его продадут в Фер, и на вырученные деньги наймут людей вместо тех, кто пожелал уйти с галеры.

Совсем недавно Развийяр готов был попросить предательского «Медного короля» о новом добром хозяине. Теперь ему неприятно было об этом думать – во-первых, потому, что шутка старика не забылась и не простилась. Во-вторых, Развийяр теперь вспомнил, что не всегда был в рабстве, и то, что прежде казалось естественным, теперь пугало и возмущало.

Хорошо бы сбежать, как только они прибудут в Фер. Правда, Развийяр, будь он на месте Арви, предвидел бы такой поворот и присмотрел бы за мальчишкой. Капитан не дурак; среди моря деваться некуда. Развийяр уже тонул однажды – хватит, наплавались, уж лучше в рабство.

На горизонте показалась земля. Развийяр обрадовался, но оказалось, что это всего лишь остров Тыр, безлюдный и безводный. Можно было обойти его с юга, так Арви и Лу обычно и делали. Но при юго-западном ветре – а он держался уже несколько дней – удобно было обойти Тыр с севера, и именно этого очень хотелось команде.

– Пойдем через воды Империи? – скептически спросил Лу.

– Мы пустые, – возразил Арви. – Что нам?

И галера повернула на северо-восток.

* * *

Близился конец плавания. Попутный ветер гнал «Чешую» в порт. Гребцы отдыхали больше обычного, играли, отсыпались. Так прошло два дня, и Лу заметно повеселел, и остров Тыр, полоска на горизонте, все дальше утягивался за корму...

На третий день дико закричал вахтенный, показывая на небо.

С севера приближались три точки. Сперва Развийяру показалось, что это птицы, потом он понял свою ошибку – птицы не могут быть такими огромными и летать так быстро. Через минуту, когда три крылатые тени закружили прямо над кораблем, Развийяр уверился, что это все-таки птицы. Это крыламы, которых он не видел никогда в жизни, но много раз читал их имя на борту корабля.

На спине у каждой птицы сидели три человека. В борт вонзилась короткая толстая стрела.
– Гребцы – в трюм! – рявкнул Арви. – Матросы – спускать парус! Ложиться в дрейф!

Через мгновение Развияр, затиснутый в потной толпе, оказался уже внизу, под палубой. Он слышал, как спускали парус, как нервно командовал капитан; видел, как расхаживают по палубе тяжелые сапоги Лу.

В трюме молчали. В тишине прозвучал скрежет – это опустили на палубу огромные птичьи ноги. «Чешуя» качнулась под новым немаленьким весом.

– Капитан? – окрикнул чужой голос, привыкший командовать.

– Здесь, – отозвался Арви с подчеркнутым спокойствием.

– Вы в водах Империи. Кто хозяин?

– Тоже я. С подельщиком.

– Я подельщик, – глухо признался Лу.

– Что везете?

– Пустые возвращаемся из рейса. Возили в Мирте кожи, перья...

– Зубы не заговаривай! Знаю, какие вы кожи возили! А ну, показывай все, да смотри без глупостей! Перестреляем, как сытух!

Даже в трюме был слышен свист крыльев. Две другие крыла кружили над «Чешуей», держа ее на прицеле.

– Смотрите, – сказал Арви, и в голосе больше не было спокойствия – только злоба и страх. – Наизнанку выворачивайте. Нет ничего!

Заскрипела палуба. Загрохотали сапоги по лестнице. В вонючий трюм спустился имперский стражник, офицер в серебристо-черной броне. На загорелом лице у него толстым слоем лежала брезгливость.

– Шуу, – не то сказал, не то сплюнул он.

Гребцы стояли, согнувшись – высокий человек не мог выпрямиться в трюме, особенно возле борта. Стражник прошел, вглядываясь в лица, и выдержать его взгляд могли не все.

Остановился перед Развияром. Жесткими пальцами взял за плечо, отодвинул; пошевелил ногой кучу тряпья на полу. Арви стоял на лестнице и исподтишка, за спиной офицера, ободряюще подмигивал гребцам.

– Показывай каюту, – велел стражник.

Кабюта помещалась на корме и больше была похожа на двухместный гроб. Там жили Арви и Лу, там же хранились их вещи. Стражник вышел из трюма вслед за капитаном; Развияр почувствовал, что умрет, если не увидит крыламу вблизи.

Он прокрался по лестнице. Люк остался открыт, Развияру только и оставалось, что высунуть голову, встать на цыпочки...

Сперва он увидел ноги – темно-желтые, перепончатые, с когтями. Потом – всю птицу, белую, даже синеватую, невозможно огромную; она стояла боком, Развияр увидел сложенное крыло, седло на спине и крутой изгиб шеи. Птица повернула голову, посмотрела на Развияра желтыми злыми глазами.

– Вниз! – рявкнул незнакомый голос, и Развияр только сейчас увидел, что по бортам стоят двое в кольчугах, со взведенными арбалетами в руках. Налетел ветер, над головой захлопали крылья. Развияра схватили за ноги и стянули в трюм, больно приложив подбородком о ступеньку.

– Сдурел?! – лысый гребец тряхнул его, как тряпку. – Не лезь! Неповиновение нам запишут!

Развияр, оглушенный, сел у борта. Через несколько минут Арви, Лу и офицер снова вышли на палубу, и голоса их звучали по-деловому и почти спокойно.

– Не попадайтесь, – сказал офицер. – Застану с товаром – живыми не уйдете. Есть приказ топить браконьеров с кораблем и командой.

– Мы честные торговцы, – сказал Лу.

Арви что-то пробормотал.

– Пошли! – крикнул офицер своим.

Звонко захлопали крылья о палубу. «Чешуя» качнулась, теперь уже освобождаясь от лишнего груза. Минута прошла в молчании, потом Лу громко и замысловато выругался.

* * *

После отлета крылам на «Чешуе» случился буйный праздник. Похоже, галере вместе с командой удалось избежать большой опасности. Кислыми оставались только Арви и Лу: Развияр понял по обрывкам разговоров, что им пришлось заплатить стражникам большой штраф, а может быть, и взятку.

На палубу выкатили припасенный бочонок «жгучки». На радостях развязались языки; сидя в кружке вместе со всеми, Развияр узнал то, что прежде хранилось в тайне.

Охота на донного дракона запрещена в Империи: шкурами этих ужасных тварей, драгоценными шкурами, украшались жилища высших сановников и самого Императора. Тем не менее находились смельчаки, отслеживавшие в подводных пещерах молодых, не вошедших в полную силу драконов и убивали. Либо гибли: донный дракон – страшен, даже юный, и не было случая, чтобы отряд охотников вернулся с добычей и в полном составе.

«Чешуя» была контрабандистским судном. Арви и Лу приводили галеру в условленное место, покупали шкуры у браконьеров и везли на продажу в Мирте; это был далекий и опасный путь. В Мирте шкуры дракона ценились баснословно, но имперские шпионы отслеживали браконьеров на обратном пути. Не раз бывало, что удачливый торговец, уже выручив деньги за товар, получал «доплату» в виде удара стилетом или отравленной иголки, влетевшей в окно.

Поэтому недостаточно было купить шкуру, довести ее и продать по частям. Только тот, кто вернулся живым из рейса, с чистой совестью мог сказать: повезло.

Команда веселилась всю ночь. Наутро выяснилось, что планы многих гребцов вдруг поменялись: вместо того, чтобы идти с Арви и Лу в следующий рейс, уже девятую, а не двою, хотели сойти в порту Фер и получить расчет.

Арви и Лу заперлись в каюте и долго совещались – шепотом. Когда они оттуда вышли, Арви был очень зол, а Лу – мрачен.

– Мы идем в следующий рейс, и возьмем команду в долю, – сказал Арви, упершись, по своему обыкновению, ногой в бочку. – Кто не хочет – скатертью дорога, уговаривать не станем!

Через два дня на горизонте показались горы. В долине между двумя хребтами лежал порт Фер – транспортный узел, торговый котел и бандитское гнездо в стороне от границ Империи.

* * *

Развияру снилось, что он охотится на донного дракона.

Была ночь. Галера стояла в бухте, больше похожей на грот. Серая скала нависала прямо над мачтой. Здесь было так тихо, что поверхность моря казалась залитой слоем масла.

Развияр спал на палубе. Никогда в жизни ему не доводилось видеть донного дракона. Теперь, во сне, тварь представлялась ему на тысячи ладов.

На «Чешуе» было непривычно пусто. Большая часть гребцов решила провести ночь на берегу, только некоторые, семейные и бережливые, остались на галере. Развияр попытался уйти с остальными – якобы затем, чтобы отдохнуть по-мужски, но Арви шевельнул бровями:

– У тебя ведь нет денег, дурачок. Да и мал еще. Сиди.

И Развияр ушел в трюм, но там было так душно, что он опять поднялся на палубу и лег на голых досках.

Он долго не засыпал. Придумывал – и не мог найти причину, по которой капитану следует взять его в поход за шкурами. А Развияру хотелось быть убедительным; ладно – пусть он молод, но зато ничего не боится. Ему можно платить меньше, чем прочим. В первый поход вообще можно не платить! Уже потом, когда Развияр себя покажет – тогда он войдет в долю, как остальные. Он слабый гребец – но в пути станет сильнее...

Он задремывал, и во сне Арви соглашался с ним. Кивал, хлопал по плечу, говорил: ладно. Пойдешь с нами.

Свистнули в воздухе крылья. Развияр открыл глаза, резко сел: во сне ему привиделась патрульная птица. Слабо светилося море, в бухту заглядывала далекая половинчатая луна. На рее, покачиваясь, висел кожистый мешок с двумя горящими глазами.

Развияр закричал. Заворочались в трюме, кто-то ругнулся. Из каюты на корме вышел Лу – бодрый, будто и не спал вовсе.

– Ага, – сказал сам себе, увидев мешок на рее. – Славно.

Через несколько мгновений Развияр понял, что чудовище – вовсе не чудовище, а почтовый нетопырь, повисший на рее вниз головой. На «Крыламе» было несколько таких – в клетках; Лу зажег фонарик, снял конверт с ошейника почтаря, распечатал и тут же, подсвечивая себе, прочитал.

Вышел Арви – хмурый, помятый, в бывшей белой, а теперь грязно-серой рубахе.

– Вот гады, – сказал Лу, сворачивая письмо.

– А я говорил, – Арви судорожно зевнул. – Всех денег не заграбастать, да. Но чтобы получить свое, надо хотеть получить все. Пожелаешь немножко – останешься общипанной сытuhой... Вот как мы.

Лу оглядел палубу. Приметил в темноте Развияра.

– Не спишь? – спросил со странным выражением.

Развияру вдруг стало страшно.

– Есть купец на тебя, – Арви сплюнул за борт. – Только дешево дает, сволочь... Ну да не при наших делах привередничать.

* * *

На рассвете к «Чешуе» подошла колесная лодка. Гребные винты у нее помещались не по бортам, как в гавани Мирте, а за кормой.

В лодке Развияру связали руки. Он так удивился, что даже не пытался вырваться. Борт «Чешуи» проплыл мимо, как когда-то проплыл борт «Крыламы»; лодка была широкая, почти квадратная, барабан вертели не ездовые крысы, а грузные пятнистые существа со складчатой шкурой – шлепуны.

– И-и-и! – кричал им лодочник.

У него был тонкий, как скрежет по стеклу, голос, бритая розовая голова и белый шрам на лбу. Развияру этот человек внушал непонятный ужас. Еще на борту галеры, когда бритый взялся шупать новому рабу мускулы, когда сунул ему в рот заскорузлый палец, пробуя зубы, – Развияра скрутило от отвращения и безысходного страха.

«Страх Шуу». Вот как это чувство называется. Теперь Развияр сидел в лодке, связанный, и ни разу не оглянулся в сторону «Чешуи».

Лодка вышла на открытую воду.

– И-и-и! – взвизгнул бритый, и рептилии в колесе забегали быстрее. Развияр поднял голову.

Ему приходилось бывать в порту Фер: отсюда они отправлялись с хозяином Аглем в Мирте. Хозяин Агль, предусмотрительный, как запечная мышь, рассчитал и предвидел все: и сколько денег уйдет на поездку, и как скоро окупятся затраты, и какие подарки привезти род-

ным из Летающего Города – чтобы и всем хватило, и не разориться. Одного не предусмотрел хитрый переписчик: что Мирте не позволяет ступить на свою землю человеку с кровью гекса в жилах...

Не доезжая до порта, лодка свернула в скалы и оказалась во фьорде с отвесными стенами. Смотреть на лодочника со шрамом было неприятно, на скалы – страшно, поэтому Развияр опустил глаза и уставился на собственные колени.

Грязные, затасканные штаны светились прорезами. Сквозь истертую ткань проглядывала загорелая исцарапанная кожа. Почему Развияр «гекса»? В его детских воспоминаниях не было этого слова. Люди, которых он помнит, звали себя иначе: «Пригорки». Так называлось селение, и люди говорили о себе – мы пригорки...

Он поймал себя на том, что впервые слышит голоса в своих воспоминаниях. Раньше чередовались картинки, но голосов не было. А теперь под хлюпанье воды и осторожный шум ветра в ушах ясно прозвучало: мы пригорки. «Ну, пригорки, кто косить?»

Мать его была из чужих земель. Совсем маленькой ее привезли в Пригорки – верхом на двуногой ящерице. Она не умела ходить...

Развияр вспомнил лицо матери, как если бы она, а не человек со шрамом, сидела напротив на лодочной скамейке. Глаза странной формы, каплеобразные. Выдающиеся надбровные дуги. Значит, его мать была гекса... А теперь она стала белкой и до сих пор бегает где-то в лесах.

– Цо-ок!

Рептилии остановились в крохотной бухте. Там ждали двое, с капюшонами, надвинутыми на лица; Развияра вытащили из лодки и, подталкивая в спину, повели по каменной лестнице, ведущей вверх через пролом в скале.

Через час он был уже на рабском рынке в пригороде Фер. Еще через час, снова поменяв хозяина, шел в общей веренице рабов, уводимых от побережья все дальше в горы.

Арви и Лу продешевили. Надо было продавать меня, как грамотного, думал Развияр на ходу, глядя в спину идущего впереди парня. За грамотного дали бы больше – конечно, если найти разборчивого и богатого покупателя.

Дураки, думал Развияр. Бывший хозяин Агль до сих пор, наверное, грызет локти и проклинает свое разорение. Проклятые контрабандисты могли бы подзаработать на труде искусного переписчика...

И тут же с ожесточением подумал: шиш вам. Не стал бы я работать на них. Я свободный человек, у меня есть память, и я еще увижу когда-нибудь леса своей родины.

Цепочка рабов медленно тянулась в гору. Надсмотрщики пощелкивали бичами – без излишней жестокости. Так, для порядка.

Глава вторая

Замок целиком был высечен в скале. Непонятно, кто и когда проделал этот титанический труд; кое-где на стенах сохранились отпечатки огромных зубов. Надзиратель Роджи говорил, что это скальные черви; только великий маг может подчинить себе скального червяка и заставить его грызть камень по приказу.

Здесь все было каменное: мебель. Посуда. Сердца людей, служащих здешнему властелину, были, похоже, тоже из камня. Днем солнце нагревало замок так, что на перилах внешних галерей вольнонаемные жарили себе яичницу. В глубине замка, в дальних комнатах, освещенных факелами, было стыло и холодно, и с потолка капала вода.

Развияру повезло: его запирали на ночь в Восточной темнице. Это было большое помещение с единственной узкой и низкой дверью, с огромным проломом в стене напротив – вроде окна, выходящего на восток. Под проломом открывалась бездна, далеко внизу журчал ручеек. Скала поросла мхом, стены и пол Восточной темницы больше чем наполовину были затянуты глубоким и мягким зеленым ковром. Ручеек, бравший начало где-то наверху, снабжал рабов свежей водой и позволял умываться.

Здесь не бывало душных ночей. Развияр лежал на мшистом покрове и сколько угодно мог думать о своем; за день до его появления в замке – вместе с пятью другими рабами – в Восточной темнице случилась драка. Кого-то сбросили вниз.

В первую свою ночь в замке Развияр оказался среди молчаливых, подавленных, очень скрытных людей. Позже он узнал, что, недосчитавшись накануне раба, старший надсмотрщик пришел в ярость, велел сурово наказать правых и виноватых, а двое зачинщиков драки были наказаны до полусмерти. С тех пор обитателям темницы запрещено было разговаривать друг с другом от заката и до рассвета. Впрочем, Развияра вполне устраивал такой порядок.

Он лежал в тишине, слушая шорох ручейка. Если зажмуриться – можно вообразить, что валяешься на поляне среди леса. Бежать из Восточной темницы невозможно, но Развияр убегал каждый вечер, просто закрыв глаза.

Утром, перед рассветом, и вечером, в сумерках, на стенах кое-где можно было различить буквы. Когда-то здесь сидел грамотный человек; звали его Уки-Поводырь, он выцарапал на камне свое имя и десяток неприличных слов – наверное, все, что знал. Он же – а может быть, другой раб – нарисовал, как умел, голую женщину с маленькой головой и широченными, как корма у галеры, бедрами. Кроме этих надписей и рисунка, в темнице была еще одна, очень странная, отметина на стене. Развияр долго к ней присматривался, прежде чем понял: это тоже слово. Когда-то, переписывая книги на чужом языке, он научился понимать иную речь, хоть и не знал, как она звучит.

Слово, выцарапанное на замшелой стене, означало «память».

* * *

– Эй, книжник!

Повелительный голос из-за приоткрытой дверцы. Развияр поднялся, чувствуя, как ноют мышцы. Это еще что: после первого дня работы он вообще пошевелиться не мог...

Сразу за дверью был коридор для стражи – темный и куда более душный, чем сама темница. Здесь горела свечка. Развияр зажмурился.

– Садись, – сказал надзиратель Роджи.

– Спать хочу...

– Ну-ну, покочევряжься мне! Ну-ка, давай про корабль женщин.

– В третий раз?

– А хоть бы и в шестой! – в голосе надзирателя прорезалось раздражение, и Развияр не рискнул больше препираться.

Он сел на холодный пол (мох здесь бы вытоптан множеством ног) и мысленно открыл книгу поучительных историй.

– Жили две женщины, первая была жена сапожника, другая – жена купца, торговавшего пухом. Жена сапожника была верна своему мужу, и даже в мыслях не прелюбодействовала ни с кем. Жена торговца пухом любила спать на мягких перинах, сладко есть и тешить свою похоть; однажды...

Буквы всплывали из памяти без принуждения. Развияр читал книгу, его правая рука сжимала воображаемое перо, будто перенося знаки на чистый лист. Надзиратель Роджи слушал, подперши щеку кулаком. За дверью слушали тоже – те из рабов, кто еще не спал.

Способности Развияра выявились случайно. В одну из первых ночей, напуганный и потерянный, он начал шептать книгу вслух – ту, недочитанную и недописанную, про Осий Нос. Роджи, дежуривший за дверью, сперва решил, что новичок нарушает приказ главного надзирателя, переговариваясь с другими рабами; впрочем, Роджи был умен и почти сразу понял, что ошибся. Известию, что новый раб грамотен, никто из надзирателей не обрадовался. Судьба Развияра не изменилась никак, если не считать того, что теперь Роджи по много раз заставлял его пересказывать книги – по ночам или днем, во время передышек.

Развияр позволял себе ворчать, но ему нравилось, что у него есть слушатель. Вспоминались долгие часы, проведенные на острове у Маяка, когда, сидя в отползающей тени, он вот так же читал стоящие перед глазами буквы, а старик, не то безумный, не то премудрый, слушал его. В Восточной темнице Развияр вспоминал старика чаще, чем на борту «Чешуи»; горечь от потерянной краюшки забылась – Развияр почти простил старому Маяку его трюк с «Медным королем».

– ...И тогда жена купца омыла разомлевшее тело розовой водой, и умастила свои тайные локоны душистым маслом, и покрыла постель шелком и бархатом...

Роджи судорожно сглотнул. Развияр улыбнулся, закрыл глаза, прислонился затылком к мягкой замшелой стене; так буквы виделись даже четче.

– ...и встретив его, она задернула полог, но зеркала и гобелены слышали стоны, и видели, как колебался огонек ночника...

Развияр перевел дыхание. На этом сцена прелюбодеяния целомудренно заканчивалась, дальше шла речь о расплате – когда явился корабль королевы цветов, чтобы везти всех честных жен на праздник, жена торговца собралась туда тоже, но палуба...

– погоди, – хрипло сказал надсмотрщик. – Дальше я знаю... Давай еще раз с того места, где она любила спать на перинах.

– Хочешь, я запишу тебе? – неожиданно предложил Развияр.

Роджи мигнул короткими ресницами:

– Как это?

– Принеси мне чистый лист бумаги. Я запишу тебе эти слова, и ты сможешь читать в любое время. Днем, ночью, вечером...

– Поговори мне! – глаза у Роджи сузились. – Я, чтобы читать... да разве это воинское дело?

– Ты неграмотный? – после паузы удивился Развияр.

Роджи хотел отвесить ему затрешину, но Развияр увернулся.

* * *

Утром шли на работу. Завтракали на ходу – каждому по лепешке, да по сладкому корню, да по вареному яйцу черкуна (эти черные пичуги колониями селились и в скалах и в замке, не

делая разницы между расщелинами – и потолками пиршественных зал). Вода струилась вдоль каждой ложбины в скале, лентами водопадов срывалась с балконов – от чего-чего, а от жажды рабы не страдали.

Работы в замке хватало. Таскали камни в каменоломне, вертели ворот, брели в колесе, как ездвые крысы, приводя в движение подъемный механизм. Замок продолжал строиться: все глубже в скалу зарывались ходы. Все выше поднимались новые башни. Часть рабов обучали вольнонаемные – мешать раствор и класть камни в кладку. Развир хотел бы научиться тоже – но тут надсмотрщиков взволновала новость, что «огневуха понеслась», и Развира определили в носильщики.

Яйцекладущая тварь огневуха обитала в скалах над замком. Дорожка шла зигзагом – десять поворотов вверх, десять поворотов вниз. Шестеро самых молодых рабов, в том числе Развир, таскали в замок яйца огневухи.

Наверх полагалось бежать, что есть силы. Десять поворотов с пустым коромыслом, одиннадцать тысяч шагов. Там, наверху, передышка рядом с гнездом; жилище огневухи обнесено было каменным валом, над ним нависали железные перекладыны, похожие на реи. Из-за вала поднимался черный дым – то гуще, то реже. Грузчики – вольнонаемные в кожаных шлемах – с помощью блоков, рычагов и ухваток вытаскивали из ямы лоснящиеся от сажи, раскаленные яйца. Обвязывали их веревками, вымоченными в желчи двухголовой болотной змеи, и вешали на палки-коромысла. Развир, подхватив на плечи коромысло, шел теперь вниз – одиннадцать тысяч шагов. Десять поворотов. Узкая тропинка, сплошной камень, солнце палит, и на каждом повороте надсмотрщик.

Идти вниз полагалось медленно и очень осторожно, чтобы ни в коем случае не оступиться, не упасть, не повредить ношу. За надколотую скорлупу носильщикам обещали мучительную казнь – это само по себе было странно, потому что рабы ведь денег стоят. Но еще какая-то мрачная тайна была связана с яйцами – Развир страшно уставал на спуске, хотя наверх взбираться вроде бы тяжелее. Выматывал страх оступиться, повредить ношу, но не только это; яйца очертаниями напоминали уродливые черные головы, и нелегко было видеть, как они раскачиваются справа и слева, на концах коромысла.

Сгибаясь под тяжестью ноши, шлепая по камню огрубевшими пятками, он думал о другом, забывал о работе, «освобождался». Тогда глаза его вместо каменной тропки видели своды колоссального леса, глухие уголки, где натянута паутина с застрявшими в ней птичьими скелетиками. Многоярусные дебри, где под корнями и над корнями, в траве и в кустарниках, в переплетениях лиан, в кронах и под кронами, как под сводами дворца, кипит днем и ночью жизнь...

На третьем повороте тропинки – если считать сверху – открывалась картина ущелья. Развир всякий раз задерживал дыхание, увидев черный провал с белой пеной потока на дне и противоположную скальную стену, где развевались ленты водопадов.

– Эй! Не зевай по сторонам!

Развир шагал дальше, опустив голову.

На пятом повороте открывался замок. Тоже скала, но с выдолбленными ходами и галереями, балконами, башнями, сторожевыми постами; в нижних ярусах размещался «город», где жили вольнонаемные с семьями, в основном ремесленники. В средних ярусах обитала стража, и где-то наверху, среди множества каменных башен, под сводами дворца, гнезвился властелин, которого Развир никогда не видел. Над замком поднимались дымы, толстые и тонкие, черные и белые.

Развир спросил как-то у Роджи, зачем нужны яйца огневухи. Тот велел заткнуться и никогда об этом не говорить. Потом, оглядевшись, сообщил сквозь зубы: если Развир случайно поцарапает скорлупу – он, Роджи, будет огорчен. Ему, конечно, плевать, скинут Разви-

яра в яму с гниющим мясом или просто подвешат на крюк, но истории про женщин Роджи нравятся, поэтому Развияр должен быть осторожен – и нем, как морская змея.

Развияр был осторожен и нем, но мысли его оставались свободны от надзора. За работой, на привале, в темнице он воображал себе огневуху так и эдак. Он мысленно готовил яичницу из ее яиц, и обогревал ими дома зимой, швырялся яйцами во врага и придумывал еще тысячи способов, как ими воспользоваться.

Он не знал, где и при каких обстоятельствах узнает ответы на свои вопросы. И понятия не имел, как скоро это случится.

* * *

Уставая днем, он не сразу засыпал ночью. Рабы, притаившись в темноте, украдкой нарушали запрет на разговоры; иногда болтунов уличали надсмотрщики, пороли кнутами, но разговоры возвращались опять. Развияр узнал многое о товарищах по несчастью: кого-то продали в рабство за долги. Какого-то матроса подобрали ночью пьяным на улицах порта Фер, и утром он протрезвел уже в рабском караване. Половина рабов не помнила, кто они и откуда: их опоили «сладким молоком». Кто предложил им напиток, где это было – они понятия не имели, как не знали собственных имен и историй. Слушать их было особенно жутко.

«Память», было нацарапано на стене среди ругательств и рисунков.

Ближе к полуночи разговоры затихали. Развияр, смертельно уставший, засыпал позже всех. Чтобы отвлечься, он принимался мысленно читать воображаемые книги – они помогали заснуть.

Все истории про женщин он пропускал – надоело пересказывать их Роджи. Зато отлично действовали подробные описания чужих земель, обрядов, животных и растений, рассказы о неведомых существах; Развияр читал о крылатых повозках, каждую из которых несут четыре крыламы, о повадках донных драконов, о личинках огненных тварей, которые живут внутри черного яйца: «Если вынешь его из огня, не держи долго на воздухе, потому что остынет, и не будет толку; а если обступят враги – вытащи яйцо из огня и разбей скорлупу. Расколоть ее случайно нельзя – скорлупа прочна, надо захотеть. Когда треснет скорлупа – выйдет огненная тварь на свободу, и станет служить тебе три дня и три ночи, подчиняясь словам и желаниям. Ей не страшны ни стрела, ни клинок, по твоей воле убьет и одного врага, и сотню. А за миг перед тем, как истекут три дня и три ночи, вели ей броситься в воду – тогда она издохнет. Опоздаешь – беда тебе. Берегись и помни: только три ночи и три дня...»

Развияр сел на подстилке из мха. Спали его товарищи, светили звезды сквозь пролом в стене. Журчала вода; Развияр что есть силы треснул себя по лбу. В двери, в окошечке для стражи, показалось бледное сонное лицо.

– Кнута захотел? Спать!

Развияр лег. Его колотил озноб. Как он раньше не догадался, как?!

Огневуха живет в горячем гнезде. Ее яйца носят в замок, хранят в огненной печи... Про печь рассказывал, кажется, Роджи... Все знают, что яйца очень ценны, но подозревает ли кто-то – чем? «Выйдет огненная тварь на свободу, и станет служить тебе три дня и три ночи, подчиняясь словам и желаниям».

Не бывало такого, чтобы кто-то из носильщиков случайно разбил яйцо. «Расколоть ее случайно нельзя – скорлупа прочна, надо захотеть». А никто не хочет – боятся наказания. И никто не знает, какую власть каждый день носят рабы на плечах! «Ей не страшны ни стрела, ни клинок, по твоей воле убьет и одного врага, и сотню».

Между тем огневуха с каждым днем все меньше откладывает яиц. И когда ей снова взбредет в голову нестись – Развияру неведомо.

Цена свободы. Власть. Пусть на три дня и три ночи; Развияру только бы вырваться. Он уйдет в горы, и там затаится, а позже выследит караван на Фер и пристроится потихоньку, а там уйдет в море, хоть юнгой, хоть матросом. Надо только правильно выбрать время...

Он лежал на спине, улыбаясь в темноту, и видел, как несутся по полю рыжие и легкие, как искры, белки.

* * *

На рассвете, когда рабы по очереди умывались из ручья, Развияр, не сомкнувший глаз за всю ночь, твердо знал: этот день изменит его судьбу. Цепочкой вышли из Восточной темницы, получили завтрак в руки, и тут Роджи сказал, что носильщиков сегодня нужно только трое.

– Ты, – он тыкал шишковатым пальцем в грудь очередному рабу, – ты...

Развияр обомлел.

– И ты, – последним Роджи выбрал высокого парня по кличке Нос, – вы, трое, берите коромысла. А ты, книжник, пойдешь разгружать телеги с крупой, вчера пришел караван.

Развияр стоял, потрясенный. Свобода была на расстоянии вытянутой руки – и ускользнула. К своему стыду, он чувствовал трусливое облегчение: не придется драться и убивать. Все останется по-прежнему.

– Роджи, – сказал Нос очень тихо. – Я вчера ногу подвернул...

И поддернул штанину, показывая опухшую лодыжку.

– Шуу, – выплюнул надзиратель. – Больше ничего не подвернул? Иди на подъемнике ворот крутить, а то я тебе подверну, не встанешь! Ты, Жирный, с ворота переходишь на разгрузку...

Взгляд надзирателя, привычно угрюмый, переметнулся на Развияра.

– Бери коромысло, книжник. Поцарапаешь скорлупу – шкуру спушу.

Носильщики разобрали коромысла. Развияру досталась очень удобная палка, чуть изогнутая, отшлифованная сотнями рук. Двинулись по тропинке вверх – десять поворотов, одиннадцать тысяч шагов.

Он обогнал двух других. Потом отстал и поплелся в хвосте. Не надо торопиться; пусть они возьмут груз и уйдут вперед.

Выровняв дыхание, усилием воли перестал считать шаги. Надо собраться. Надо решить, как и когда разбивать яйцо. Знают ли надзиратели тайну личинок? Что, если взбунтовавшегося раба сразу же пристрелят – издали? Сможет ли защитить его личинка огневухи?

Грузчики осторожно выкатывали яйца из гнезда, вязали веревками, навешивали на коромысла. В дыму, в треске искр, они сами казались чудовищами – от копоти их кожа сделалась черно-серой. «Устала, старушка, это последние яйца, завтра уже не будет», – Развияр сам слышал, как один грузчик сказал это другому. Счетовод с табличкой делал пометки, бормоча под нос, проверяя цифры – внизу, где приемка, стоит другой счетовод, и каждый день по окончании работ они сверяются, чтобы убедиться: не пропало ни одного яйца.

Скрипели блоки, звенели цепи, шипели носильщики, когда искра попадала в прореху на перчатке. Развияр ждал, глядя на далекие вершины гор: в утреннем солнце они казались нарядными и даже гостеприимными. На мгновение вспомнился – и погас в памяти – летающий город Мирте.

Как наяву, Развияр увидел таможенника, как он произносит, будто выплевывает, слово «гекса». И велит выбросить Развияра за борт, будто паршивую тряпку. А Развияр в ответ разбивает черную скорлупу, и огневуха заступает за него.

Ему увиделся черный дым над мостами Мирте. Крики, страх, огонь и пепел. Три дня и три ночи – чудовище покорно каждому его слову, а что будет потом, не имеет значения...

– Эй! Заснул?

Развияр встряхнулся, принял на плечи коромысло с грузом и, осторожно придерживая шаг, преодолел самый крутой участок спуска. Снова выровнял дыхание, настроился на привычный ритм; одиннадцать тысяч шагов.

Сейчас?

Некуда торопиться. Впереди, у поворота, стоит Роджи. Если разбить яйцо – придется личинке его убить...

А почему нет? Разве Роджи не такой, как все надсмотрщики?!

Развияр споткнулся. Мгновенно вспотели ладони. Роджи крикнул, когда Развияр добежал до поворота:

– Ты чего запинаешься, а? Жить надоело? Под ноги смотри!

Развияр промычал что-то в ответ.

Дорожка сухая, не скользкая, еще не горячая. Идем осторожно, смотрим под ноги. Не надо спешить; есть еще время, и там, наверху, ждут своего часа чудовища, до времени запертые в скорлупу.

А если книга врет, и они не будут повиноваться?!

Приемщик уложил яйца, вместе с веревками, в железную вагонетку на колесах и увез к специальной печи, которая не угасает ни днем, ни ночью. «Если вынешь его из огня, не держи долго на воздухе, потому что остынет, и не будет толку...»

Вверх – бегом. Одиннадцать тысяч шагов.

Грузчики откровенно радовались близкому окончанию работ. Они, хоть и были вольнонаемными, хоть получали немалые деньги за свой труд – боялись огневухи и ее жгучих яиц, и были счастливы, что без происшествий закончена смена.

– Сегодня раньше пойдем отдыхать, парень!

Обычно грузчики не разговаривают с рабами. Но теперь – подобрали; Развияр, пристроив на плечах коромысло с новым грузом, двинулся вниз.

Сейчас?

Размахнуться, хватить коромыслом о камень... Об этот? Или тот, следующий? Тропинка – слишком открытое место, всем все видно, и легко достать стрелой...

На высоком камне маячила фигура надсмотрщика Роджи. Тот наблюдал за ним, за Развияром, будто что-то почувствовав. Надо было решаться, и Развияр, сжав зубы, боролся с нарастающим страхом.

Он закончил вторую ходку, сдал груз приемщику, и счетовод записал. Подошел Роджи – он был непривычно деятелен сегодня.

– Парень... Ты какой-то странный. Еще раз засеменишь по дороге... Остановишься... Так и знай: вечером тебя ждет порка. Только засемени еще раз!

Развияр с тяжелым сердцем двинулся вверх. Под солнцем, под взглядом надсмотрщика он не мог поверить, что так смел был сегодня утром. Что с ним сделают, если личинка почему-то умрет? Или не будет слушаться? Или... если его поймают спустя трое суток?

Шло время. Развияру все труднее было переставлять ноги. Страх и отчаяние, с которыми он боролся – и побеждал – с первых дней своего нового рабства, теперь завладели им полностью. Он мог освободиться, мог получить власть над жизнями других, но не смел; это за несколько часов превратило Развияра в большего раба, чем он был, связанный и голый, на невольничьем рынке.

Он шел вниз, с грузом, и два яйца огневухи покачивались на коромысле в такт шагам. Близился третий поворот...

Что-то изменилось. Будто тень пронеслась в воздухе. Развияр поднял голову.

За каменной грядой послышался странный звук – не то шипение, не то скрежет. И глухо вскрикнул человек.

Ноги сами вынесли Развияра на поворот, и он увидел, как надзиратель Роджи, только что сидевший на высоком камне, теперь летит вниз, прижимая руки к горлу. Тело его скатилось, дернулось, замерло посреди тропинки, а камни еще катились, большие и маленькие, один ударил Развияра по ноге...

На тропинке, шагах в двадцати, стояло существо, каких он прежде не видел. У твари было четыре широких лапы с когтями и длинный упругий хвост. Туловище, покрытое полосатой шерстью, широкая человеческая – мужская – грудь, поросшая рыжими волосами. Мускулистые руки, в каждой по короткому клинку. На голове железный шлем, полностью скрывающий лицо, а на спине – в седле со стремянами – помещался еще и всадник, потому что хвостатое существо было верховым.

Развияр увидел все в подробностях – как, бывало, успевал прочитать едва раскрытую книжную страницу. Он увидел лицо всадника, высокомерное, смуглое, чем-то похожее на надменные лица Золотых. Увидел в его руках светлые изогнутые мечи. Увидел ноги, обутые в черные сапоги из тонкой кожи, упершиеся в стремяна – носками наверх и в сторону. Увидел чуть заметное движение этих стремян – четвероногая тварь с человеческим торсом присела на задние лапы, собираясь прыгнуть на Развияра и покончить с ним – втоптать в тропинку. Превратить в лепешку.

Жить!

Развияр не стал бежать, не стал уклоняться – ни то, ни другое не могло его спасти на узкой дорожке над пропастью. Вместо этого крутнулся на месте и ударил своей ношей о скалу, изо всех сил пожелав свободы неведомому чудовищу. Одно яйцо разбилось с влажным чмокающим звуком.

Вспыхнули веревки. Посыпалась скорлупа, повалил черный дым. Четвероногое существо на тропинке застыло за мгновение до прыжка, а Развияр, бросив коромысло, отпрыгнул к самому краю тропы и чуть не сорвался.

Из осколков скорлупы, из сажи и обгорелых волокон выбралась личинка огневухи. Если бы Развияр раньше знал, *что* носит на плечах, – не спал бы так спокойно на мшистом полу в Восточной темнице. Маялся бы кошмарами. И тем более странным и диким казалось, что это – *вот это* – может кому-нибудь подчиняться.

Четвероногое существо на тропинке подалось назад; дико и страшно вскрикнул всадник, вспыхнуло солнце на его клинках...

– Убей! – Развияр ни на что не рассчитывал. Он просто хотел жить и боролся за жизнь, как мог.

Личинка огневухи взвилась, раскинув острые крылья, покрытые сажей, будто пылью. В лицо пахнуло жаром, Развияр упал на колени, прикрывая лицо локтями, чувствуя, как трещат на голове волосы.

Он не хотел смотреть, и все-таки видел. Четвероногое существо взмахнуло клинками, и всадник повторил его движение, но ни один из четырех клинков не достиг цели. Личинка пронеслась над ними, послышался треск, всадник вывалился из седла и упал на дорогу. Четвероногое существо в последнем порыве судорожно попыталось снять с себя шлем – и тоже рухнуло, придавив тело всадника тяжелой, непомерной тушей. Личинка поднялась выше, Развияр изо всех сил надеялся, что теперь она улетит, скроется – но чудовищная тварь опустилась на большой камень над тропинкой. Сложила на спине крылья, будто ладони и, кажется, уставилась на Развияра – хотя у нее не было головы и не было глаз.

Ему захотелось стать частью этой каменной гряды. Стать неподвижным. Стать камнем.

– Эй!

Сверху выбежал еще один надсмотрщик – видно, услышал шум и поспешил разбираться. Чуть не столкнулся с тропинки Развияра; постоял, выпучив глаза, глядя то на личинку, то на труп

Роджи посреди дороги, то на два страшных тела – четвероногого и его всадника. Развернулся и, вопя, кинулся обратно, и через минуту его крик подхватили другие голоса...

Личинка не двинулась с места. Продолжала сидеть, молитвенно сложа крылья на спине.

Зато когда снизу, из-за четвертого поворота тропинки, бесшумно вынырнули еще две четвероногие твари с всадниками, и Развيار, завидев их, в ужасе припал к дороге – вот тогда личинка развернулась, как свиток, и атаковала снова.

* * *

Казалось, прошло несколько часов, а между тем солнце только чуть-чуть ниже опустилось над горами. Он стоял на тропинке, на третьем повороте, откуда отлично просматривалось ущелье. Он видел, как по противоположному склону уходит, легко преодолевая неприступные провалы, отряд всадников на четвероногих тварях. Троице из них уже никогда не скакать по горам, не нападать на рабов и надсмотрщиков; тела двуногих и четвероногих мертвецов лежали поодаль, Развيار боялся на них смотреть.

Уцелевшее яйцо огневухи застряло в расщелине у дороги. Личинка по-прежнему сидела на камне, и больше не оставалось сомнений, что она покорна Развию. А он стоял перед ней, парализованный осознанием своей внезапной власти.

Добраться до Фер... За три дня – разве это возможно? Найти Арви и Лу, наказать их... Пусть контрабандистов давно нет в порту – перед глазами у Развию они кричали в смертельном ужасе и падали, пораженные личинкой, и снова кричали и падали. Он и не подозревал, как глубоко в нем засело их предательство и как хочется отомстить.

Бежать... куда? У него всего лишь три дня. А до Мирте за три дня можно добраться разве что силой мысли...

Бежать! Не стоять!

Он сделал несколько шагов. Огляделся; карабкаться по склону, без тропинки, означало рано или поздно скатиться вниз и убиться на острых камнях... Дорога, по которой ходит караван с продовольствием – ниже... Как туда добираться – по трупам?!

Солнце, будто приклеенное, висело на том же месте небосклона. Над личинкой огневухи дрожал горячий воздух. Спотыкаясь, Развيار побежал вниз, надеясь выбраться к проезжей дороге...

Из-за четвертого поворота тропинки ему навстречу выбежали стражники. Не надзиратели – замковые воины, вооруженные мечами и пиками. Они выкатились волной; передние резко замедлили ход. Встали. Строй нарушился.

– Шуу, – выдохнул краснолицый человек в блестящем стальном нагруднике и с перьями на шлеме. – Ах, Шуу... Стоя-ать!

Развيار попятился. Личинка не шевельнулась.

Взгляд краснолицего быстро окинул поле боя, остановился на огневухе, метнулся к Развию. Стоявший во главе отряда был воином и умел владеть собой, тем не менее, Развيار успел прочесть в его глазах ужас. Тот самый безысходный страх, который называют «страхом Шуу».

Краснолицый все знал о личинках и все быстро понял. Его жизнь оказалась в руках Развию; между стражником и лютой смертью стояло мгновение – и капризная воля подростка-раба.

Те, что замерли за спиной человека в стальном нагруднике, тоже поняли это – спустя долгий миг.

– Охранять! – крикнул Развيار.

Одновременно взвились две или три стрелы. Личинка оказалась между стражниками – и своим новым хозяином. Стрелы канули в горячее марево над развернутыми крыльями и пропали без следа, только пепел просыпался.

– Назад! – крикнул краснолицый. – Отходи!

Это был момент для прорыва. Развияр ощутил его, услышал, как слышат удар колокола. Науськать огневуху на этих людей и по дорожке из пепла прорваться к свободе. Ну?!

Тропинка пустела. Стражники отходили вниз, за четвертый поворот, за каменную гряду. Удачный момент накатил и прошел. Развияр понял, что опоздал: краснолицый снова был хозяином положения.

– Значит, это ты разбил скорлупу, парень?

Спокойный, даже скучающий голос. Стражник давно знает ответ на свой вопрос. Тянет время, понял Развияр.

– Ты их видел? Зверуинов? Полулюдей?

Развияр молчал.

– Это зверуины, – повторил стражник настойчиво, будто Развияр сомневался. – Ты велел убить их? Молодец. Ты сообразительный, хорошо сделал. Мы тоже подстрелили двоих... Их было много, очень много. Хорошо, что ты велел личинке их убить.

Он говорил, не сводя с Развияра глаз, и отчетливо ждал чего-то. Чего?

Свистнула стрела. Развияр упал; стрела ударила в камень, чуть не поцарапав ухо. Наверное, стрелок торопился. Снова свист, тюкает в камень стальной наконечник...

Личинка огневухи взвилась, прикрывая Развияра. Ее прошили две или три стрелы, не причинив вреда. Развияр скатился с тропинки в щель между камнями – туда, где лежало второе яйцо. Оно совсем остыло; Развияр вжался в расщелину, пытаясь понять, откуда стреляют. Похоже, били отовсюду: стрелки окружили тропинку, пока стражник в стальном нагруднике хвалил Развияра за сообразительность.

Жить!

Подхватив каменный обломок, он что есть силы ударил по второму яйцу. Скорлупа треснула – глухо, безжизненно, и раскололась. В трещине, шириной в два пальца, показалась вторая личинка – остывшая, дохлая.

Яйца огневухи надо хранить в огне... На воздухе они остывают.

– Охраня-ать! – взвизгнул Развияр, когда еще две или три стрелы ударили в камень рядом с головой. Стражники били навесом, не видя цели.

Личинка повисла над ним, развернув крылья. Выстрелы прекратились. Развияр сидел, забившись в щель, как насекомое.

Впереди три дня и три ночи.

* * *

Солнце опустилось за горы, когда явился гонец из замка:

– Велено взять живым.

– Живым сам бери, – ответил незнакомый сварливый голос.

– Иди, повтори это властелину! Велено живым, в замок, сейчас!

– Мне самому жизнь дорога!

– погоди, – вмешался начальник стражи. – Эй, парень, подай голос. Слышишь?

– Слы... шу, – хрипло выговорил Развияр.

Очень хотелось пить. Неподалеку шумел ручеек. Личинка сидела на камне над его головой – отвратительная, горячая, пахнувшая дымом. На Развияра летели искры, прожигали старую рубаху, жалили кожу.

– Выйдешь – не тронем.

Развияр молчал.

– Эй, дурачина. Что делать-то будешь? Три дня и три ночи пройдут... Что с тобой станет, ты подумал?

– Не грози, – сказал Развияр. – Натравлю.

– Ах, ты так...

Сделалось тихо.

– Приказ слышали? – скучающим голосом спросил гонец.

Начальник стражи выругался.

– Слушай, парень. Нам жизнь дорога. И тебе дорога. Слышишь – властелин тебя зачем-то видеть хочет... живым. Лови свою удачу, малой. Ты не будешь науськивать – мы не будем стрелять.

– Выстрелите.

– Да ты глухой, что ли! Велено тебя не убивать!

– погоди, – сказал Развияр. На миг задумался. Прокашлялся.

– Ты, тварь. Кто меня убьет – того убей сразу. Ясно?

Ожидать ответа от личинки не приходилось. Тем не менее Развияр был уверен, что приказ ей понятен и вполне выполним; все, кто его слышал, разделяли эту уверенность.

Помедлив еще, Развияр выпрямился. В ущелье лежали сумерки, а вершины гор еще ловили солнечные лучи. На тропинке, знакомой до каждого камушка, тесно было от стражников, стрелков и мечников.

– Рядом, – сказал Развияр личинке.

Личинка подобралась поближе; по ее крыльям бегали сполохи и тени, как по углям в костре. Он ненавидел ее и боялся, отвратительную, смертельно опасную тварь. И только благодаря ей был еще жив – пусть ненадолго.

– Ладно, ведите.

И, уходя, успел в последний раз посмотреть на ущелье с его зубцами и провалами, с развевающимися лентами водопадов.

* * *

Впервые в жизни Развияр оказался в верхних ярусах дворца. Здесь горели факелы, шелестел ветер в ажурных балконных решетках, струились ручейки, падая в чистые каменные чаши. Развияр шел мимо них, слушая плеск воды, умирая от жажды – и не решаясь остановиться, потому что рядом, обдавая жаром, двигалась личинка.

Стражники со взведенными арбалетами шагали сзади. Кожей в прорехах рубахи Развияр чувствовал все стрелы, направленные в спину. Неведомо, чей приказ удерживал стрелков надежнее – властелина, велевшего брать живым взбунтовавшегося раба, или самого Развияра: «Кто меня убьет – того убей сразу».

– Стой.

Развияр остановился.

Низкая дверь освещалась единственным факелом.

– Велели впустить. Одного. С тварью.

– Как?! Да быть такого...

– Приказ! – рявкнул человек, загородивший собой двери. – Приказ властелина!

И обернулся к Развияру:

– Ты подумай, щенок... Есть разница, как умирать. Иди!

Развияр вошел, и вместе с ним вошла личинка огневухи.

* * *

Здесь было прохладно. Комната, высеченная в скале, располагалась высоко над ущельем. Вторая дверь, много больше той, в которую вошел Развиар, вела на балкон, увитый зеленью. В центре комнаты помещался водоем, на поверхности неподвижной воды отражались свечи.

Развиар увидел воду и чуть не заплакал. Хотел потянуться рукой, зачерпнуть, – но поднял глаза и обмер. Напротив, в деревянном кресле с подлокотниками, сидел тот, кому принадлежал замок, люди и сам Развиар.

Властелин был очень не молод, но еще не стар. Черные с проседью волосы обрамляли лицо, касаясь плеч. Тонкий нос был когда-то сломан. Губы рассекал давний шрам. Глаза смотрели безо всякого выражения; никогда в жизни Развиар не видел такого неопределенного – и такого цепящего взгляда.

Он стоял неподвижно минуту и две. Огневуха сидела слишком близко, на Развиаре начала тлеть штанина; он не выдержал и отступил, нарушив неподвижность и тишину.

– Ты хочешь пить?

Развиар не ждал этого вопроса. Кивнул – вернее, дернул головой.

– Пей, – рука с перстнем указала на воду.

Развиар подошел. Упал на колени, зачерпнул воду горстями. Долго пил, вздрагивая от холода, переводя дыхание, слизывая каждую каплю.

– Зачем ты разбил скорлупу?

Развиар поднял голову. Бледное лицо властелина озарено было огнями свечей – и мерцающим, неровным светом тлеющей огневухи.

– Они бы меня убили.

– А теперь – ты думаешь выжить?

Развиар скосил глаза на огневуху. Та сидела, сложив на спине крылья, усыпанные сажей, будто пыльцой.

Он может убить властелина. Сейчас. Властелин знает это; он позволил Развиару войти одному, с огневухой. Нет: он приказал ему войти одному. В комнату, где кроме властелина никого нет.

– Хочешь убить меня?

Развиар поднялся с колен. Долго смотрел в глаза властелину; этот человек привык командовать смертью, как ездовой крысой в колесе. Она много раз была рядом – и всегда подчинялась.

– Я только хочу жить, – медленно сказал Развиар.

– Ты, раб, разбил скорлупу яйца... Присвоил кроху моей власти. Ты думаешь, я прощу?

Казалось, властелину нравилось забавляться со смертью. Казалось, провоцируя мальчишку, он испытывал наслаждение.

– Мне не нужна власть... никакая. Я только хочу жить, – проговорил Развиар, не опуская глаз. – Я... обменяю эту личинку на мою жизнь. Пусть даже не свободу.

– Ты торгуешься, – губы властелина впервые дрогнули, обозначив усмешку. – Со мной.

– Да, властелин. Потому что... я ведь могу приказать ей.

– Прикажи.

Развиар сглотнул. Глаза без всякого выражения смотрели сквозь него. Властелин ждал, он был безумен, сумасшедший самоубийца; Развиар вдруг отчетливо понял, ему не выжить, и лучшее, что можно сделать – это приказать огневухе убить себя сразу после смерти властелина.

Он понял это и разлепил губы. Моментально в глазах властелина что-то изменилось. Он выбросил перед собой руку:

– Стой!

В приказе была такая сила, что Развияр перестал дышать.

– Ты в самом деле опасен, – сказал властелин, и его глаза смотрели теперь не сквозь Развияра, а прямо ему в лицо. – Хорошо... Я пойду на торговлю. Прикажи твари кинуться в бассейн. Я прикажу оставить тебе жизнь.

Несколько мгновений Развияр напряженно думал. Потом перевел дыхание.

– В воду, – сказал он личинке.

И та, лишённая страха смерти, повиновалась моментально. Зашипела вода, поднялся пар, тело огневухи почернело – и всплыло, безжизненное, склизкое. Вода в бассейне замутилась.

– Стража, – не повышая голоса, сказал властелин.

Развияр, не оглядываясь, услышал топот и дыхание за спиной.

– В яму, – сказал властелин.

* * *

Он думал, что его тащат напрямиком в могилу, хоронить заживо. Но его сбросили в просторный каменный мешок, накрыли сверху решеткой, и наступила темнота; Развияр, измотанный и растерянный, взялся исследовать узилище на ощупь.

Не то чтобы он надеялся убежать. Он просто не мог сидеть без дела; никакого второго выхода, конечно, не нашлось, зато обнаружилась каменная плита – не то ложе, не то стол, не то надгробье – и прилепившаяся к ее краю маленькая свечка.

Свечка! Настоящий восковой огарок! Развияр сперва впал в тоску оттого, что нету огня, а потом, удвоив усилия, принялся шарить по камере – и нашел стенную нишу, а в ней – деревянную миску, ложку и старое огниво.

Он долго возился, высекая огонь. Он отчаялся, но не сдался, и в конце концов свечка загорелась. Развияр сперва зажмурился, а потом, когда привыкли глаза – увидел пол, кое-где присыпанный соломой, каменную плиту, стенную нишу и сами стены с отпечатками огромных зубов – темницу прогрызали в камне скальные черви.

Ему сделалось страшно – не от того, что он увидел. Он испугался, что свеча догорит, и снова придется остаться в темноте.

Он вспомнил о Восточной темнице, как о покинутом доме – там просторно и видно звезды, там вода и мягкий мох. И там есть «завтра», и «послезавтра», и «через неделю»; здесь, в яме, вечно тянется ночь.

Огонек свечи состоял, оказывается, из нескольких частей: темный в центре, яркий на верхушке и по краям. Он был главным богатством, оставшимся у Развияра. Его единственным богатством и надеждой. Хороший воск оплывал медленно; Развияр вспомнил маяк, где было светло днем и ночью. Вспомнил ревущее пламя, указующее путь морским судам. Вспомнил пенный след за кормой «Крыламы». Вспомнил старика, который не хотел отпускать его на «Чешуе» и все-таки отпустил.

Лицо, обрамленное седыми волосами, как венчиком. «Медный король, Медный король. Возьми, что мне дорого, подай, что мне нужно. Медный король, Медный король...»

Развиярова тень лежала на стене – черная, страшная. А если на этот раз сработает?! Ведь нет другой надежды, только на Медного короля. Возьми, что мне дорого. Подай, что мне нужно. Свободу! Жизнь и свободу!

Трясущейся рукой Развияр повторил движение, которому научил его когда-то старик.

– Медный король... Медный король!

Он запнулся, совладел с собой и продолжал:

– Возьми, что мне дорого! Подай, что мне нужно!

Свечка исчезла без звука. Без следа.

Снова сделалось темно.

* * *

Утром его привели к властелину. Тот сидел в кресле на широком полукруглом балконе, а рядом стояла на трехногой подставке большая подзорная труба. Развияр когда-то видел похожую в руках капитана «Крыламы». Правда, капитанская была поменьше.

Стража удалилась. Небо, подернутое мраморной сеточкой облаков, было похоже на морскую воду – такое же сине-зеленое, беспокойное. С балкона на три стороны открывались окрестные скалы: из-за резкого контраста света и тени в их очертаниях мерещились искаженные яростью лица. Профиль властелина с его сломанным носом казался частью этих гор.

Снизу, из ущелья, еле слышно доносился шум воды. Этот шум сопровождал Развияра всю ночь. Слушая приглушенный стенами рокот, потрескивание остывающих камней, шелест ветра в отдушниках, он то метался по каменному мешку, то валился без сил на солому.

Ему казалось, что стены в темноте сжимаются и потолок становится ниже. Он усилием воли подавлял панику, и тогда стены, невидимые, исчезали вовсе, и Развияр оказывался один посреди огромного темного мира. Еще вчера он был животным, ручным, выючным, тягловым, как крыса в барабане. Он был животным, мир перед его глазами плыл, невнятный и мутный, а сегодня, сейчас, будто прорвалась пелена. Будто отчистили от тины и грязи желтый костяной клинок.

Подумать только – он сам отправил личинку в воду! А ведь мог захватить властелина и, угрожая его жизни, диктовать свои условия! Как же можно было проиграть, имея в руках могучее оружие?!

В темноте он налетел на каменную плиту и ушиб большой палец на правой ноге. Боль неожиданно помогла успокоиться. Развияр решил, что ничего еще не кончено, завтра его поведут на казнь, или еще куда-нибудь поведут, и тогда он успеет сделать хоть что-нибудь: вырваться, или захватить заложника, или, на худой конец, спрыгнуть со скалы, прихватив с собой палачей. Его приводила в ужас единственная мысль: никуда не поведут, бросят тут без еды и воды, в тишине, темноте – умирать.

Медный король, Медный король... Он снова обманул Развияра, не подал того, что нужно – хоть Развияр и отдал ему самую дорогую вещь. Вместо свободы пришли разочарование и злость, и бешеная жажда действовать – чем это поможет пленнику в каменном мешке?!

Под утро он почти успокоился. Лежал тихо, глядя в темноту, и думал о зверуинах – кто они, откуда они явились и зачем. Думал о властелине – сколько воли и времени, сколько денег и власти понадобилось, чтобы выдолбить – выгрызть – в скале его замок. О следах зубов скальных червей. О магии; был ли магом старый Маяк? Вряд ли. Может ли сам властелин оказаться магом? Вполне возможно, это многое бы объяснило. Чем он платит своим людям? Откуда приходят продуктовые караваны? Как далеко отсюда до границ Империи, и выстоит ли замок против атаки с воздуха? И можно ли его одолеть, а если можно, то как?

Он даже уснул – за несколько минут до того, как за ним пришли. И вот теперь стоял на полукруглом балконе, боясь поверить удаче. Властелин отослал стражу, они остались вдвоем, и руки у Развияра свободны, а властелин не смотрит на него. Сидит, уставившись на горы, будто забыв о пленнике...

– Не вздумай прыгать на меня. Умрешь тяжело.

Развияр чуть вздрогнул. Чтобы превзойти этого человека, чтобы заставить врасплох, понадобится вся Развиярова воля и хитрость.

И он заставил себя расслабить дрожащие от напряжения мышцы.

– Вчера ты не был таким свирепым, – сказал властелин. – Тебя устраивала только жизнь, даже не свобода. Теперь ты передумал?

– Нет.

– Очень хорошо. Скажи: откуда ты знаешь о личинках огневухи? Откуда ты знаешь, если даже среди моих людей в эту тайну посвящены только самые надежные?

Развияр прерывисто вздохнул.

– Не вздумай врать, – отрывисто бросил властелин. – Рабы шептались в темнице? Иди надсмотрщики?

– «Когда треснет скорлупа – выйдет огненная тварь на свободу, и станет служить тебе три дня и три ночи, подчиняясь словам и желаниям, – выговорил Развияр. – Ей не страшны ни стрела, ни клинок, по твоей воле убьет и одного врага, и сотню. А за миг перед тем, как истекут три дня и три ночи, вели ей броситься в воду – тогда она издохнет...»

Рассеянный взгляд властелина собрался в точку, как свет в стеклянной линзе. Развияр смотрел ему в глаза, стараясь не мигать.

– «Поучительные истории о людях, животных и прочих тварях», – сказал властелин со странным выражением. – Ты умеешь читать?

– Я переписчик книг... был.

– Интересно, – властелин сел ровнее, сплел на колене длинные желтоватые пальцы. – Вот польза образования... Как случилось, что ты перестал быть переписчиком?

– Я с детства был рабом у одного грамотного человека по имени Агль. Он решил заработать перепиской в Мирте...

Развияр говорил, преодолевая хрипоту. Мучительно откашливался и продолжал рассказ. Властелин слушал, глаза его горели все ярче, шрам поперек губ становился темнее и заметнее.

– Ты гекса?

– Наполовину... Так говорят.

– Дурак же был твой прежний хозяин... Говори дальше.

Развияр рассказал все без утайки. Не упомянул только о заклинании, которому научил его старик на острове под маяком.

Властелин долго молчал. Тень, прикрывавшая балкон, отодвинулась, на перила упало солнце, и они загорелись – медные, до блеска отполированные, круглые перила.

– Тебе когда-нибудь давали «сладкое молоко»?

Развияр содрогнулся. Вопрос был задан небрежно, будто вскользь, но мысль о «сладком молоке» была куда отвратительнее, чем самый жестокий смертный приговор.

– Это выход для тебя, – сказал властелин с неожиданной мягкостью. – После того, что ты сделал... Ведь в замке не слепые. Поползут слухи. У многих возникнет страшный соблазн. Как мне быть с моими людьми, которые видели, как ты командовал личинкой?

– Нет. Я не хотел. Я...

– Придется устроить охрану большой печи, – будто раздумывая, продолжал властелин. – У меня много их, этих личинок в яйцах. Когда слишком досаждают зверуины, или другие враги, я просто разбиваю скорлупу. Но как теперь доверить эти яйца рабам-носильщикам? Или стражникам, поступившим на службу за деньги?

– У меня не было другого выхода!

– Был. Молча умереть, как поступил бы на твоём месте любой другой раб, не такой образованный... не такой сметливый. Правильно было бы устроить публичную казнь... в назидание. Но я обещал тебе жизнь, и я сдержу слово. Ты выпьешь «сладкого молока» и поедешь в Фер, где тебя заново продадут.

Развияр кинулся, не раздумывая.

Между ним и властелином было пять шагов. Развияр прыгнул и промахнулся, споткнулся о выставленную ногу, потерял равновесие, его отшвырнули к перилам. Медь впилась в ребра, страшная сила навалилась сверху, холодные пальцы сдавили горло. Дергаясь и хрипя, Развияр успел увидеть, как властелин придерживает свободной рукой пошатнувшуюся треногу с подозрительной трубой.

– Я говорил тебе, что умрешь тяжело?

Развияр попытался перевалиться через перила. Он задумал это с самого начала и хотел увлечь с собой властелина; не вышло. Хватка на горле сжалась крепче.

Топот стражи, тревожный, старательный, ворвался на балкон и умолк. Наверное, властелин жестом велел телохранителям выйти, потому что шаги сейчас же зазвучали вновь, удаляясь.

– Согласен, – сквозь зубы выдохнул Развияр.

Властелин отшвырнул его от ограды – в глубь балкона, в тень. Задыхаясь, Развияр отполз к стене, увитой плющом.

– Тебе дорога твоя память? Ты ценишь воспоминания дороже, чем жизнь?

В голосе властелина был интерес.

– Тебе хочется вечно помнить, как тебя выбросили за борт, словно тряпку? А может быть, ты умрешь ради воспоминаний о рабском рынке?

– И это тоже, – сказал Развияр.

И вспомнил – на мгновение – далекий, парящий над морем город Мирте.

Глава третья

Он вспоминал его не раз, когда нужно было собраться, забыть о боли и усталости, повторить еще раз, без остановок, сложную серию ударов, блоков, переворотов. Когда мышцы деревенели, а связки готовы были разорваться, и от жажды вываливался язык, а сотник Бран, краснолицая скотина, не позволял пить, «пока не сделаешь еще три круга».

Развияр давно не был мальчиком-переписчиком; на коротком веку ему приходилось работать веслами на «Чешуе», таскать мешки и камни, бегать вверх-вниз по крутым склонам, вертеть ворот и ходить в колесе – но сотник Бран считал его «соплей» и гонял, как ездовую крысу. Развияр уставал мучительно; падая на тюфяк, засыпал еще в воздухе и почти не вспоминал ни дом, ни лес, ни бегущих по меже белок.

Нос ему сломали в учебном бою, через месяц после зачисления в младшую десятку. Он долго ходил в синяках, с подбитыми по очереди глазами, а потом – поздней осенью – в схватке без оружия уложил Кривую, самого сильного и опытного среди вновь поступивших. Тогда сотник Бран, не говоря ни слова, перевел Развияра из младшей десятки в действительную стражу.

Все знали, что Развияр бывший раб, но упоминать об этом было не принято. Считалось, что новому стражнику покровительствует властелин; сам Развияр боялся в это верить. Чудо, что властелин велел принять его в младшую десятку вместо того, чтобы отдать палачу... Но покровительство?!

С тех пор Развияр видел властелина только один раз. Прямо с вечернего построения его, уже действительного стражника, вызвали наверх; властелин сидел в кабинете, той самой комнате, где утонула когда-то личинка огневухи. Все так же отражались свечи на поверхности водоема в центре комнаты. Все так же неподвижно сидел в кресле человек со шрамом поперек губ.

– Перепиши мне книгу, – сказал властелин.

Развияру принесли переплет с чистыми страницами, две больших свечи, чернильницу и набор сытушых перьев. Он неловко уселся за письменный стол, взял перо – и вдруг испугался, что разучился писать, что рука, натруженная и твердая, как дерево, не сможет вывести ни знака.

Властелин наблюдал за ним. Преодолевая страх, Развияр открыл книгу, которую предстояло переписать.

С первых же строчек у него захватило дух. Это был трактат ученого, живущего в Империи – о магах, их могуществе и откуда они берутся. Наверняка очень ценная, редкая, а может быть, и запрещенная для чтения всеми, кроме императорских мудрецов. Может быть, выкраденная из хранилища. Так или иначе – такая книга стоит дороже, чем десяток молодых рабов...

Развияр зажмурился. Знаки складывались в слова, стояли перед внутренним взором так же ясно, как если бы он видел их глазами. Его способность не оставила его, не забылась, и Развияр испытал в этот момент радость, как от встречи с давним другом.

Он начал переносить увиденное на бумагу – сперва осторожно, дрожащей от непривычки рукой, а потом все смелее. «Во дворце и в хижине, и в треногом жилище мастерового на Безземелье – всюду, где есть камин или печь, может явиться на свет маг. Он может летать без крыльев и приказывать камню, может убивать огнем или исцелять смертельно больных, но главное его призвание – вести в этот мир то, чего прежде не было...»

– Любопытно, – сказал властелин, неведь как оказавшийся у Развияра за спиной. – Если бы не другая бумага, не свежие чернила... Твою копию можно выдать за оригинал, маленький гекса.

Развияр не ответил, занятый работой. Властелин скоро ушел; Развияр сидел один в большом кабинете и при свете двух свечей переписывал книгу о магах, их привычках и званиях. Как они ставят радужную печать на императорские деньги, и как они отслеживают бунтовщиков по одним только замыслам, и о перстнях с цветными камнями, которые они носят на руке, и о том, как им повинуются громы, и о многом другом.

К утру он закончил. Передал книгу личному слуге властелина, вышел, пошатываясь, спустился в казарму и попал прямо на утреннее построение, а сотнику Брану плевать было, кто спал ночью и кто не спал. Упражняясь с клинком, со щитом, с дубиной, с цепью, Развияр думал о магах, которым не нужна воинская премудрость, которые и без оружия непобедимы...

Бран не хвалил его. Но поглядывал серьезно, с одобрением.

* * *

Миновала осень, потом зима. Вершины гор побелели. Молодые стражники катались по ледяным желобам на щитах – с риском убиться насмерть. Сотник Бран поощрял эти забавы, потому что «без опасности не бывает отваги».

Развияр поднимался выше всех – так, что сжимало грудь – и летел, чуть не опрокидываясь на поворотах, перепрыгивая через провалы, через бесснежные камни. Ветер хлестал в лицо, будто хотел сорвать его и унести, как шапку. Глаза горели, слезы срывались со щек и улетали назад, превращаясь в снежинки, и на вечернем построении сотник Бран недовольно спрашивал:

– Опять заплаканный, как баба?

Он учил Развияра стрелять из лука и арбалета, хотя тому больше нравилась рукопашная.

– Ты стрелок, а не мечник, – назидательно говорил Бран. – Руки твердые, хороший глаз. – Учись, скотина, шкуру спушу и на бубен натяну!

Но почти никогда не бил.

Зимой закрылись перевалы, меньше работы сделалось дозорам. Проходимой осталась единственная дорога, тянущаяся вдоль ущелья, по ней в замок доставляли продовольствие и топливо из соседних деревень. Во всем замке топились печи, горячий воздух поднимался сквозь круглые отверстия в полу и дрожал, смешиваясь с холодными струями. Самая большая печь горела, не затухая, во втором ярусе замка, согревая покои властелина, и топили ее не рабы и не слуги, а стражники из проверенных в деле.

Развияр знал об этой печи, наверное, больше других в казарме. Там, в ячейках железной сети, грелись яйца огневухи – их было не меньше тысячи. О том, что за сила окажется в руках того, кто разобьет их, Развияр старался не думать.

Зато другие мысли занимали его без остатка. Другая забота, поначалу задев только краешком, вдруг накинута и заслонила свет, и, поднимаясь выше всех, скатываясь на щите по ледяным и снежным языкам, Развияр бравировал, бросая вызов судьбе.

Судьбу звали Джаль.

* * *

Их привозили из окрестных деревень, иногда из порта Фер. Некоторые были рабынями, другие – нет. Они прислуживали, убирали, рукодельничали в замке, – все молодые и крепкие, с белыми зубами, с волосами, сплетенными в косы. По ночам в обязанность им вменялось ублажать стражников, потому что у женатых семьи были далеко, а все прочие страдали от одиночества.

Джаль попала в замок осенью, когда Развияр был еще в младшей десятке и думать не смел о том, чтобы отправиться после смены «к птичкам». Впрочем, под началом у сотника

Брана, с его решимостью превратить «соплю» в человека, у Развияра и мыслей о женщинах не возникало. Джаль тем временем прижилась в замке, начала улыбаться, и однажды Развияр увидел, как она зажигает светильники, идя вдоль галереи.

Она поднималась на цыпочки, доливала масло в плошку, подносила свечу. Ее лицо освещалось, широкие рукава откатывались к плечам, обнажая руки. Джаль кивала, будто довольная сделанным делом, и шла к следующему светильнику, и на ходу – так показалось Развияру – танцевала.

С тех пор он искал ее всюду. Он выслеживал ее в замке, когда она мела полы, или носила дрова, или выгребала золу из печей. Поначалу наблюдал издали, потом перестал прятаться, потом подошел. Хотел заговорить: спросить, кто и откуда, есть ли родные, и видела ли она море. Вместо этого взял за плечи, развернул к себе и поцеловал; Джаль не смела вырываться, но застыла, как деревяшка, прижав к груди метлу из жестких птичьих перьев.

С этого дня Развияр заболел. Мысль о том, что каждую ночь – или почти каждую – кто-то из его же товарищей, стражников, присваивает себе ее губы, руки, покорное тело, била ему в лицо, как холодный ветер, и слезы текли невесть от чего – от ветра или от боли. Над ним посмеивались, звали с собой в «птичник» – так называлась женская половина, где в маленьких клетушках без окон ютились служанки и рукодельницы, причем двери всех комнат выходили на один длинный балкон, где во множестве гнездились черкуны. Он отказывался, вспоминая все ругательства, которые знал, и еще те, что прочитал когда-то на стенах Восточной темницы. Он обливался ледяной водой, забираясь под струи наполовину замерзшего водопада. Его особенно раздражала стрельба из лука и арбалета – хотелось двигаться, а не целиться, рубить, а не ждать своего часа.

В один из дней на исходе зимы, когда над горами набухло небо и откуда-то с юга потянуло сырым ветром, Развияр явился к сотнику Брану и сказал, что хочет себе Джаль в единоличное пользование.

– Ты ее покупаешь? – удивился Бран. – У властелина? Да захочет ли продать? И чем заплатишь? Да и не странно ли, ведь ты сам, кажется, все еще раб?

Он потешался, но без злобы. Развияр был одним из его любимцев.

– Слушай мудрого человека, грамотей. Баба – не алмаз, в оправу не вправишь и на руку не наденешь. Я женился по молодости лет, вот как ты, мед с нее слизывал, молоком умывал. И что? Стоило в поход уйти, как пошла моя глазена по рукам, и я не удивлялся-то. У них, видишь, в поселке так принято, там в горах на пять мужиков одна баба родится...

Развияр, сжав зубы, ушел на верхние галереи, где пустовали по зиме гнезда черкунов. Снял пояс, замечательный кожаный пояс со стальными бляхами, который он выиграл «в тычки» у длинного Кривули. Бросил на камень.

– Медный король...

Он еще не понимал связи между заклинанием и своей жизнью, но уже не сомневался, что такая связь существует. Он не получил хлеба на галере – зато получил память. В каменном мешке он просил жизни и свободы – и получил по крайней мере первое.

А теперь он хотел себе Джаль. Он так ее хотел, хоть вой, хоть по полу катайся.

– Медный король! Возьми, что мне дорого. Подай, что мне нужно!

Он сделал все, как велел старый Маяк, но пояс не исчез. По-прежнему лежал на камне, широкий, тяжелый. Почему, что Развияр сделал не так?!

– Медный король, Медный король...

Ничего не изменилось. Развияр медленно поднял пояс, надел, затянул. Привередливый Медный король не посчитал жертву достойной; Развияр вполне мог обойтись и без пояса – а значит, Король не нуждался в таком подношении.

А что у Развияра есть дорогого?

С тех пор, как он стал есть досыта, ни один кусок хлеба не имел такой ценности, как тот, на галере. У него было не так много свечей, но и в темноте не приходилось пропадать. И не нашлось ничего достойного, чтобы предложить Медному королю в обмен на призрачную услугу.

В ту ночь наступила весна.

* * *

Поток, бегущий по дну ущелья, ревел так, что в нижних ярусах замка трудно было разговаривать. Водопады на противоположной стороне ущелья из ленточек превратились в полноводные белые полотнища. Джаль стирала белье в корыте с теплой водой, на ней было желтое полотняное платье до щиколоток.

Развиар подошел и остановился за ее спиной. Она почувствовала взгляд, оглянулась, вздрогнула и заискивающе, виновато улыбнулась.

Он знал – так она улыбалась всем стражникам. Слуги и надсмотрщики не имели на нее права. Только стражники и только после вечернего колокола – один удар меди о медь означал окончание дневных забот и наступление ночи.

До вечернего колокола оставалось еще больше часа. Гора выстиранного и выкрученного белья лежала в пустом корыте, и несколько грязных рубах – на плоском камне у ног Джаль.

– Хочешь – убежим? – спросил Развиар.

Она отступила, споткнулась о корыто и чуть не упала.

– Я такой же раб, как ты. Ночью уйдем через горы. Хочешь?

Джаль оглянулась – никто ли не слышит. Снова посмотрела на Развиара; у нее задрожали губы.

– Ты... не говорит так. Не ври.

– Я не вру.

– Нельзя уйти через горы! Только по дороге, а там патрули...

– Я бегая быстрее. Даже с человеком на плечах. С тобой. Придем в Фер, у меня есть, что продать. Сядем на корабль, я наймусь гребцом или матросом. Уйдем на любой имперский остров. Я там стану переписчиком книг, и мы заживем, как богачи.

Джаль снова оглянулась:

– Если кто-то услышит, что ты говоришь...

– Никто не слышит. Шумит вода.

– А если поймают?!

– Не поймают. Говори: согласна?

Она прижала к груди невыжатую рубаху. Крупные капли мыльной воды покатались по платью.

– Нет... я боюсь. Я боюсь, я не могу.

* * *

Вечером Развиара вызвал сотник Бран.

– Беру людей, иду на перевал. Патруль в ложбине видел этих тварей, зверуинов, и их бабы с ними. Если бабы – значит, клан снялся с места, тут бы их и накрыть, когда через перевал пойдут. Тебя ставлю в ночную смену, после полуночи заступишь на среднюю галерею, там старый Тис разводящий. Смотреть мне в оба, понял?

– После полуночи, – послушно повторил Развиар.

С ударом вечернего колокола он переступил порог «птичника», куда так долго не смел показать носа. Старшая служанка уперла руки в бока:

– Ты к кому?

– К Джаль.

– Что-то молод с виду, не из младшей ли десятки?

– Действительный стражник.

– Стало быть, ранний, – сказала служанка задумчиво. – Ладно, ступай, я Джаль зарубку поставлю на сегодня... Считать умеешь? Направо, третья дверь после десятой.

Развيار вышел на балкон, белый и чистый, отгороженный от пропасти невысоким каменным барьером. Остановился, огляделся, посмотрел вниз. Хмыкнул, неторопливо двинулся вдоль стены; к двери Джаль был приколот пучок высохшей травы. Оберг? Знак?

Он вошел, не постучав.

Окон не было. Горела свечка в углу, отражалась в маленьком железном зеркале. На низенькой табуретке спиной к двери сидела Джаль, распущенные волосы лежали у нее на спине.

Она не обернулась. Наверное, не разглядела его сначала – стражник вошел, обычное дело. Развيار прикрыл дверь (в комнате стало темно), подошел и остановился у девушки за спиной, и увидел в зеркале два лица – свое и Джаль.

Она его узнала. Он себя – нет.

Он давно уже не смотрел в зеркало. Как многие стражники, не тратил время на бритье, а натирал подбородок и щеки шляпкой «безбородого гриба», без усилий изводящего щетину. Теперь перед ним был незнакомый человек, с вытянутым бледным лицом, острым подбородком, очень темными глазами странной формы. Переломанный нос выдавался вперед белым хрящиком, лицо было взрослое и хищное, совершенно бесстрастное. Рядом отражалась Джаль, от ее дыхания подрагивало пламя свечки. Чего она испугалась?

– Чего ты испугалась?

Она потупилась, опустил ресницы, как шторку:

– Здравствуй... ты пришел на всю ночь?

– Я пришел тебя забрать.

– Нет, – она помотала головой. – Нельзя...

– Можно. Стражи нету в замке, только ночная смена. Я стою после полуночи на средней галерее, туда спуститься с вашего балкона – даже мышь сумеет. Пойдешь со мной?

Она смотрела умоляюще:

– Зачем... Я уж привыкла... Поймают – убьют... Я боюсь!

Он уселся на тюфяк. Она сочла это концом разговора и привычно потянулась к завязкам платья на горловине. Распустила их, повела плечами; платье соскользнуло, обнажая плечи и грудь.

Развيار сидел, набычившись, держась за тюфяк с такой силой, будто это была щепка в бушующем море. Он имеет право на Джаль, здесь, сейчас, до самой полуночи. Равно как и Кривуля, как старый Тис, как любой стражник или телохранитель этого замка. Стоит ли упрекать девушку, если она не согласна менять устоявшийся, привычный порядок на смертельную опасность, на страх, на тяготы побега?

Джаль встала, уронив платье на пол. Она была тонкая, смуглокожая, совсем как женщины Золотых, которых представлял себе Развيار, сидя на острове с маяком и глядя на далекий Мирте. Но те женщины были неприступны, их надо было покупать за большие деньги либо захватывать силой, либо брать за себя, будучи небедным, знатным, чистокровным Золотым. А Джаль, которую Развيار желал давно и безоглядно, стояла перед ним нагая и совершенно покорная.

Он опрокинул ее на тюфяк – торопливо и грубо. Она была очень послушна и даже старательна, ее губы растягивались в улыбку. И Развيار целовал эти напряженные губы, а потом, отдышавшись, повторял, глядя в глаза:

– Я уведу тебя, ясно? Сегодня уведу отсюда... ты меня слышишь?!

Она страдальчески улыбалась.

Развиряр вышел от Джаль за час до полуночи, растерянный и злой. На балконе никого не было – служанки отдыхали сегодня, тем больше работы им будет завтра, когда сотник приведет ребят с перевала...

Он встал у ограды, но увидел не звезды над зубчатыми стенами черных гор. Ему привиделся лес вокруг родного дома, поляна, отвоеванная для злаков, и стая белок, волной катящаяся по меже.

Когда-нибудь он увидит их. И, может быть, узнает среди них свою мать.

* * *

– У меня есть для тебя работа, грамотей.

– Книга? – вырвалось в Развиряра. – Но ведь сейчас...

– Заткнись!

Властелин стоял на полукруглом балконе, глядя на горы. Внизу, в ущелье, ревел поток, налитый тающими снегами. Развиряр только что прибежал из казармы; минутой раньше вернулся малый патруль, вернее, те, кто от него остался – Кривуля, раненный в руку, и Тари-Колесо. Валясь с ног, дозорные сообщили, что на поселок Нижние Пещеры напали зверуины, частью перебили, частью разогнали пастухов и взялись уводить стада. Пока сотник Бран был на перевале, пока караулил коварных тварей наверху – они напали снизу, и оказалось, что в замке не хватает людей.

– У меня есть для тебя работа, грамотей. Сейчас мы вместе пойдем к печке... ты знаешь, какой. Ты возьмешь яйцо и разобьешь скорлупу. Потом отправишься в Нижние Пещеры, прихватив с собой... нескольких человек, сам решишь, кого. Я приказываю тебе: убить все, что на четырех ногах и что на двух. Вернуть стадо. Отыскать уцелевших горцев и внушить им, что они не беззащитны, что дань, которую они платят, означает скорую смерть всем их врагам. Все понятно?

– Да, властелин, – сказал Развиряр после крохотной паузы.

– Хорошо. Идем.

Несколько минут до полуночи. Развиряру так и не довелось занять свой пост на средней галерее. И теперь, шагая вслед за властелином по длинному коридору, он не мог отделаться от мысли: что, если Джаль его ждет?

Она поверила ему. Справилась со страхом. Она, в конце концов, полюбила его и готова рискнуть. Она стоит у дверей своей комнаты и ждет условного сигнала, а сигнала нет.

Путь освещал один из телохранителей властелина. Огонь факела высвечивал гладкую стену справа и каменное кружево слева, причудливое, отшлифованное до блеска, со звездами в прорезах. Такое кружево, подумал Развиряр, могут вырезать из камня только человеческие руки, вряд ли скальным червям под силу столь тонкая работа...

Кочегары работали днем и ночью, вертелись блоки, поднимая снизу бочки с углем. Просторный зал с низким потолком был залит красным светом печи.

– Кочегары – прочь. Стража – остаться, – властелин подошел к печи, вытянул шею, вглядываясь внутрь, будто не замечая страшного жара. – Бери багор, гекса.

Развиряр выбрал багор у стойки, где, как копья в оружейной, ждали своего часа лопаты, огнеупорные щиты и орудия, похожие на обыкновенную кочергу. Устье печи было крохотным в сравнении с ее колоссальным чревом; Развиряр остановился рядом с властелином, глянул в огонь, и у него закружилась голова. Он увидел равнину, засаженную черными горящими головами, увидел лес из огненных стволов, увидел бушующее море горячего пепла.

Властелин вытащил ключ. Провернул в скважине; пришел в движение механизм, натужно заскрежетали цепи, подтягивая к устью печи сетку с уложенными в ячейки черными яйцами огневухи.

– Что ты ей прикажешь?

Развيار шурился от жара. Казалось, горят брови.

– Следовать за мной. Убивать зверуинов.

– Неверно. Убивать зверуинов и до, и после твоей смерти – на случай, если тебя застрелят. Кого ты возьмешь с собой?

Развيار назвал имена. Властелин выкрикнул их, повторили стражники у дверей, послышался топот ног – приказ спешили донести до казарм.

– Вели им прикрывать тебя щитами, – сказал властелин. – Я не хочу, чтобы тебя убили, гекса, это будет большая неприятность для всех нас... Ты готов взять эту власть?

– Да, властелин.

– Бей!

Сетка с яйцами покачивалась не близко, но и не далеко. Развيار на полшага приблизился к печи, взял багор наизготовку, как копьё, и точно, как на учениях, ударил багром в открытую пасть печи, и расколол скорлупу яйца, лежащего с краю.

Тут же отскочил – так пахнуло жаром. Даже властелин отступил; скинув остатки скорлупы вниз, на пепел, личинка огневухи вырвалась из огненной пасти очага и, рассыпая искры, уселась перед печью на каменный пол. В жаркой комнате оказались лицом к лицу властелин, молодой стражник и чудовищная личинка огневухи, покорная «маленькому гекса».

Развيار несколько мгновений молчал, не решаясь заговорить.

– Что?

– Можно спросить... властелин?

– Только быстро.

– Почему...

Он хотел спросить, чем заслужил такое доверие. Сейчас он может приказать личинке убить властелина и стражу, а потом разбить все остальные яйца и сам стать властелином – не только замка, но всего мира, до которого можно дотянуться за три дня. Он явится к Джаль – с огневухой у ноги, и больше никто, ни один мужчина не посмеет не только к ней прикоснуться – взглянуть на нее! Обладание, свобода, власть, – это было, как пропасть, как огненная яма печи, жгучая и притягательная до головокружения.

Властелин понял его без слов. Не испугался, не растерялся ни на миг. Растянул в ухмылке губы со шрамом:

– Я объясню... когда ты вернешься. А теперь иди, маленький гекса... И покажи, на что ты способен.

* * *

Тысячи и тысячи шагов. Развيار умел бегать: самый шаткий камень не вздрагивал у него под ногами, так легко и ровно он несся по широкой дороге-карнизу. Впереди скользила огневуха – летела низко и освещала путь.

Из темноты вырывались скалы и провалы. Дорога опоясывала горную цепь, то прижимаясь к ее боку, то опасно отстраняясь, зависая над пропастью. За спиной грохотали сапоги стражников, недавних наставников, теперь подчиненных, но только на Развиаре лежало доверие властелина, и только на нем – ответственность за судьбу многих людей, живых, мертвых и обреченных.

Нижние Пещеры – скальный поселок, Развияр бывал там раз или два. Имя поселку дали пещеры, просторные, длинные, со многими выходами на поверхность, с подземными ручьями и озерами, со стенами, поросшими сытным мхом. Горцы разводили печорок и тем кормились.

Под горами зимой и летом бродили огромные стада. Когда печорки объедали мхи в одной галерее, их перегоняли в другую. Слепые, не жалующие солнце, эти твари доились и плодились в полной темноте, и горцы тоже редко видели свет, пропадая в пещерах. Их жены и дети жили в каменных домиках, прилепившихся к скале; из молока печорок делали сыры и квас, а шкуры шли на одежду и на обувь. Атакуя пещеры, зверуины рассчитывали подорвать снабжение замка, заполнить стада и перебить, а если повезет, взбунтовать местных жителей.

Дорога снова повернула, огибая гору. В рев потока на дне ущелья вплелись далекие крики, тонкий визг печорок и грохот камней. В темноте горели факелы, металась черная фигура всадника, белесым киселем плыли стада – слепые, они катились вниз, к потоку, и Развияр вдруг понял, что зверуины вовсе не собираются угонять стада под покровом темноты. Они хотят утопить печорок, жестоко и просто.

Он почувствовал, как спирает дыхание – не от бега, от свирепой боевой ярости. Зверуины творили разбой, уверенные в своей безнаказанности, но во власти Развияра было восстановить пошатнувшийся порядок.

– Убивай поганных тварей!

Личинка не знала, кто такие «поганные твари». Знал Развияр, для приказа этого было достаточно. Неуловимые чудища, когда-то убившие надзирателя Роджи, четвероногие полулюди и их всадники, разбойники, обитающие в горах, нападающие на караваны, мечтающие об одном: срыть замок и сравнять с землей.

– Убивай!

Личинка взвилась и кинулась вперед. Для нее не существовало темноты, страха смерти, скальных выступов и ям. Она обрушилась, как проклятие, на головы разбойникам, и печорки, без того напуганные, стали в панике разбегаться по горам.

– Искать пастухов, – велел Развияр своим людям. – Пусть собирают скот, заворачивают обратно в пещеры. Скажите, соберут – будет награда, упустят – размажу!

Ему повиновались беспрекословно и молча. Пятеро стражников, подсвечивая себе фонарями, бросились в поселок – разыскивать выживших, вытаскивать из щелей, куда они забились, грозить и приказывать. Их фонари качались уже далеко, выше по склону, когда Развияр вспомнил слова властелина: прикажи им прикрывать тебя щитами...

И тут же он вспомнил, покрываясь холодным потом, что неправильно отдал приказ личинке. Теперь, если Развияра убьют, она улетит прочь либо накинется на своих.

Мерцающая, как прогоревшая головня, огневуха тем временем настигла врага. Хрипло закричали полулюди, полетели на землю тела всадников. Двое или трое зверуинов кинулись в поток, предпочитая смерть в бурлящей воде. Прочие ринулись вверх – прочь от дороги и от поселка.

Огни рассыпались по склону. Четвероногие легко одолевали кручи, неприступные для человека, из-под их широких лап летели камни. Развияр видел, как поднимается пыль, освещенная факелами, как личинка огневухи преследует уходящих, а они рассыпаются веером, расходясь в стороны, а личинка только одна и раздвоиться не может.

Ополоумевшие печорки, разбегаясь, достигли места, где остановился Развияр. Тыкались в колени, не то сослепу, не то в поисках сочувствия. Их белая складчатая шкура, покрытая короткой шерстью, была прохладной и жесткой на ощупь.

Всадники побросали факелы и сделались невидимыми в темноте – Развияр знал, что они видят ночью так же хорошо, как днем, в то время как он был почти слеп. Огневуха металась, ее очертания размазывались, оставляя светящуюся дорожку, и Развияр, даже зажмурившись, продолжал видеть эти зигзаги.

– Давай! – шептал он, подбираясь все ближе. – Давай, скорее! Дави их!

Всадники валились на землю один за другим, но уцелевшие не впадали в панику и не спешили бежать. В поселке, где мерцали фонари стражников, заголосили, зазвенели железом о железо. Взвизгнула стрела; Развиря понял, что его заметили, что всадники ищут человека, которому подчиняется огневуха, и, скорее всего, успеют убить и его и товарищей прежде, чем личинка закончит свое дело.

Он выхватил оба клинка.

– Ко мне! Убивай всех, пока я жив, и вдвойне, когда я умер!

Он не заботился о том, чтобы правильно строить фразу. Все повторялось; в полутьме, слегка разбавленной близостью рассвета, перед ним вырос всадник на четвероногой твари, и лица обоих были закрыты шлемами. В жизни Развиря это был второй настоящий бой.

Получеловек скользнул, обходя Развиря слева, будто играя с ним. В красном свете отдаленного огня блеснул клинок – молниеносный, мгновенный удар сверху наискосок. Удар был тяжел, как сотня мешков с камнями, Развиря удержал его своим клинком всего на миг, но этого было достаточно, чтобы остаться в живых еще некоторое время.

Получеловек пронесся мимо и развернулся у него за спиной, а навстречу выскочили еще двое, и повелительный голос закричал из темноты:

– Стреляй!

Развиря бросился на дорогу, пропуская над головой летящие стрелы. Сотник Бран учил его уклоняться, выдергиваясь, будто нитка из ткани боя, чтобы каждое следующее движение не могло быть известно противнику заранее.

«Я отдал правильный приказ, и что бы там ни было – я уже победил».

Вскакивая, он уловил движение за спиной и успел подставить короткий клинок. Ударил длинным, попал, услышал сдавленный крик. Трое всадников кружились каруселью, а Развиря раскачивался вперед-назад, чувствуя летящие из темноты стрелы, выдергиваясь, как нитка, из ткани предсказуемого, и стрелы пролетали там, где он был только что. Это длилось очень долго – несколько мгновений, несколько быстрых тактов.

Потом явилась огневуха, обдав жаром, ослепив. Всадники бросились врассыпную, и Развиря обнаружил, что ранен – легко, в правое предплечье, вскользь. Кожаный рукав сделался теплым и липким. Небо светлело, ломаной линией обозначились горы на востоке. Я отдал правильный приказ, подумал Развиря с удовлетворением. Если бы она не пришла – я уже валялся бы трупом.

Он обернулся к поселку, понемногу выступавшему из темноты. Десяток домиков, шалаши над входами в пещеру, источник в круге камней, и над источником – святым местом для всех здесь живущих – грубая каменная статуя. Надо было искать своих людей, надо было поднимать пастухов и собирать стада, потому что скоро выйдет солнце и многие печорки погибнут...

На плечи ему обрушилась страшная тяжесть. Когти впились в правое плечо и в левый бок. Развиря упал лицом вниз, придавленный телом врага, безвольный, как мешок с шерстью, оглушенный, и позволил тяжелым лапам трепать и трясти его, так что голова моталась, будто пуговица на нитке.

И только через несколько страшных мгновений, когда противник уже уверился в победе, Развиря что есть силы рванулся, в повороте стряхнул с себя когтистую лапу – вместе с лоскутами прочнейшей куртки – и чиркнул большим клинком, попав точно по голой шее зверуина, ниже застежки шлема. Пролилась капля крови, Развиря схватили за горло две человеческие руки – и обмякли; второй клинок, малый, прижимался к незащищенному горлу твари, чуть выше неглубокой кровавой зарубки.

Два глаза смотрели на Развиря сквозь прорези шлема. Человеческие глаза.

* * *

Вставало солнце. Пастухи, бледные и запуганные, похожие на своих печорок, собирали стада, попискивая в глиняные свистульки, покрикивая дрожащими голосами:

– А – мну! Иди! А – мну!

Стада разбрелись по всему склону, несколько десятков утонуло в бурной реке. Люди, пришедшие с Развием, были все живы, двое ранены, один – тяжело. Его унесли в замок на носилках два местных подростка. Сам Развий, с лицом, исцарапанным и разбитым о камни, в рваной куртке, с раненой рукой, стоял посреди селения, у источника. У ног его сидела огневуха, а чуть поодаль лежал, свернувшись калачом, единственный оставшийся в живых зверуин.

Получеловек. Четвероногий. Тот самый, что напал на Развия и чуть не убил его. Тот самый, которого Развий невесть зачем пощадил – может быть, из любопытства.

Это был первый пленный, которого он захватил сам, даже без помощи огневухи. Личинка появилась потом, но Развий приказал: «Этого – не трогать, пока я не скажу». Когда с пленника сняли шлем, обнаружилось, что он очень молод, пожалуй, моложе Развия. У него были светлые выующиеся волосы и тонкие усы над верхней губой. Смуглая кожа казалась желтой, на лбу и на висках выступил пот. Он то и дело облизывал губы – совершенно человеческое движение; Развий молча поражался, как может существо на четырех лапах, покрытое шерстью, быть столь похожим на человека.

На спине у пленника было высокое седло со стремями. Бока с выступающими ребрами хранили следы шпор, давние и свежие. Получеловек лежал, подобрав лапы, стараясь казаться равнодушным, и только кончик хвоста выдавал его – то подрагивал, то начинал метаться и бить по земле.

Тела убитых зверуинов по приказу Развия оттащили к реке и бросили в воду. Когда последние печорки скрылись в подземных коридорах, Развий собрал вокруг себя всех жителей поселка, кто мог ходить и не был занят на пастбище.

– Вы не беззащитны, – сказал он, слово в слово повторяя напутствие властелина. – Дань, которую вы платите, означает скорую смерть всем вашим врагам. Эти твари сунутся не скоро, – добавил он от себя и посмотрел на лежащего на земле зверуина. – Вставай.

Тот дернул ноздрями, но поднялся. Огневуха сидела, по обыкновению, на камне, и вид ее пугал горцев куда больше, чем целое полчище четвероногих разбойников.

Развий подошел к получеловеку. На глазах всего поселка и четверых стражников встал на камень, закинул ногу на спину четвероногому; у того задергалась полосатая шкура на боках. Развий сел в седло, чувствуя, как играют напряженные мышцы зверуина. Нашупал стремяна. Прodel в них ноги так же, как это делали всадники – пятками внутрь, носками наружу и вверх. Перед ним оказался затылок зверуина – человеческий склоненный затылок. Получеловек низко опустил голову.

– Иди за мной, – сказал Развий огневухе. – И не убивай его, пока не скажу!

Горцы, выпучив глаза, смотрели ему вслед. Но не менее потрясенно глядели его собственные товарищи, стражники.

* * *

Развий ехал верхом впервые в жизни. Ярость битвы высыхала на нем, как вода: саднил бок, пораненный когтями. Все сильнее становилась боль в правой руке, опухла кисть, пальцы сделались чужими. Левой рукой он удерживал веревку, накинутую на шею зверуину вместо узды. Рядом шла огневуха.

Поднималось солнце. Поток на дне ущелья рокотал и плевался пеной. Пленник, медленно переступающий лапами, время от времени поворачивал голову, будто мельком, к нависшему над пропастью краю тропинки.

– А вот не кинешься, – сказал Развияр почти весело.

Напряглась голая загорелая спина с белым шрамом на левой лопатке.

– Любишь жизнь, правда? – Развияр сдвигал бока зверуина сапогами. Его все сильнее мучила боль, хотелось говорить, он не мог удержаться. – Ну прыгни, попробуй.

Он дернул на себя веревку. Пленник захрипел и закашлялся.

– Пошел быстрее! – крикнул Развияр. – Пошел!

Четвероногий ускорил шаг. Потом пустился галопом, нарочно жестким и неровным, так что Развияра стало подкидывать в седле и от боли помутилось перед глазами.

– Стой!

Пленник остановился, и одновременно остановилась огневуха. Развияр перевел дыхание. Проще всего было выбраться из седла и пойти пешком, но он хотел появиться в замке именно так – верхом, с огневухой у сапога.

– Пошел, – скомандовал Развияр глухо. – Помалу.

Его товарищи отстали. В замке уже знали, чем закончилось ночное сражение – мальчишки-носильщики принесли тяжелораненого. Дозорный на башне увидел Развияра первым; навстречу вышел наставник Бран, только что вернувшийся с перевала, с ним стражники и младшая десятка. Рабы оставили работу, надсмотрщики явились поглядеть на невиданное зрелище, из окон, с галерей, с балюстрад смотрели слуги и женщины.

Развияр выпрямился в седле, стараясь забыть о боли. Его пленник ниже опустил голову. Огневуха смирно сложила на спине серые крылья, усыпанные пеплом, будто пылью.

Он проехал вдоль неровного строя любопытствующих. Он слышал потрясенный шепот за спиной. Люди глазели на четвероногого и шарахались от огневухи.

Властелин вышел на балкон. Развияр натянул веревку, приказывая зверуину остановиться. Перед замком не было площади, куда уместился бы народ, высыпавший из каменных нор, поэтому толпа волновалась, теснилась, выплескиваясь на галереи, на стены, взбиралась на перекладины лебедок и насосов. Вокруг всадника-Развияра оставалось свободное пространство, и утренний воздух дрожал, нагреваясь, над крыльями черной личинки.

Наступила тишина; все смотрели на Развияра, а он впервые растерялся.

– Зачем ты притащил *это*? – спросил властелин, и в его голосе была брезгливость.

– Это пленник...

Властелин мельком глянул на толпу.

– Работать, – сказал коротко, бросив взгляд поверх голов. Стражники опомнились, надзиратели засуетились, через несколько минут галереи и окна опустели.

Властелин медленно спустился навстречу Развияру. Тот, скрипнув зубами от боли, выбрался из седла. Властелин долго рассматривал зверуина, а четвероногий молчал и глядел в землю.

– Напрасно, – сказал властелин. – Отведи к потоку, прикажи личинке убить его, тело сбрось.

Развияр скорее почувствовал, чем увидел, как замерли покрытые шерстью бока. Получеловек перестал дышать.

– Прикажи личинке прыгнуть в поток. Потом поднимись ко мне, – не дожидаясь ответа, властелин повернулся и двинулся обратно в замок. Развияр дернул за веревку; четвероногий пошел за ним неожиданно покорно. От его лап оставались в пыли круглые, невиданные следы.

Они миновали склады, каменные постройки, где обычно разгружались караваны. Никто не смел идти следом. Спустились по узкой тропе – вернее, Развияр спустился, огневуха просто

слетела, а зверуин сошел рядом с тропой, и поразительно было, как легко он ступает по крутому сыпучему склону.

Остановились над потоком. Торчали из воды черные скалы, как неровные зубы, вода бурлила между ними и падала в глубокий котел, поверхность которого была покрыта клочьями пены. Четвероногий смотрел на эту пену, будто надеясь прочитать в ее кружевном рисунке нечто очень важное. Личинка, безучастная, уселась на камень в нескольких шагах.

Развияр оглянулся на замок. Отсюда, снизу, были видны только верхушки башен.

Ревела вода. Расслышит ли огневуха приказ? Ей все равно, у нее нет ушей, она исполняет волю, а не слова...

Четвероногий чуть повернул голову. Развияр увидел его ухо, прикрытое слипшимися сосульками волос, впалую щеку и кончик острого носа. Он молчал и не отдавал приказа; шло время, властелин ждал. Белые клочья пены кружились над камнями в потоке.

Развияр молчал. Огневуха сидела, сложив крылья.

Четвероногий резко обернулся – будто решившись. Посмотрел Развияру в глаза и сразу же потупился, будто обжегшись.

Посмотрел еще раз – в страхе, не веря. Покосился на огневуху – и снова на Развияра.

Ревела вода.

Зверуин открыл рот, схватил воздуха, так что прыгнули голые плечи. Сорвавшись с места, получеловек одним прыжком перескочил на ближайший черный камень; Развияр видел, как разъезжаются на мокром его лапы. Зверуин прыгнул еще, и еще, сорвался, и Развияр решил было, что это конец, но четвероногий выбрался на скалу, размахивая мокрым хвостом, ловя равновесие. Еще прыжок; зверуин перебрался через поток по верхушкам мокрых камней, совершив то, чего не мог бы сделать ни один человек, да, наверное, и не всякий четвероногий.

Он выскочил на противоположный берег потока – туда, где круто заламывалась вверх стена ущелья. И рванул вверх по нехоженным тропам, и обернулся только один раз – через плечо.

Огневуха сидела, равнодушная. Развияр сглотнул; власти его оставалось три дня и две ночи, а рана вдруг открылась, и по рукаву на землю снова полилась кровь.

– Иди в воду, – приказал Развияр огневухе.

И, уже на обратном пути в гору, потерял сознание.

* * *

– Ты справился, маленький гекса, – сказал властелин.

Развияр стоял перед ним, пошатываясь. Он провалялся неделю; несколько раз его навещал сотник Бран, спрашивал подробности ночного боя, держался отстраненно и холодно. Потом, лежа ночью без сна, Развияр сообразил: сотнику Брану, служившему в замке много лет, воспитывавшему телохранителей и воинов, никогда не доверяли разбить скорлупу огневушьего яйца. Кроме того, уничтожение врага с помощью послушного чудовища казалось сотнику издевательством над воинским искусством.

– Ты справился, хотя и не безукоризненно, – сказал властелин. – Можешь сесть.

Развияр опустился на деревянный табурет. Его не держали ноги: объявляя себя здоровым, он переоценил собственные силы.

– Ты вправе ждать награды, – сообщил властелин. – Говори, чего ты хочешь.

– Мне ничего не надо, – сказал Развияр. – У меня все есть.

Властелин скептически поджал отмеченные шрамом губы. Развияр не отводил взгляд – смотрел прямо.

– Что, – негромко начал властелин, – она не захотела с тобой бежать?

Развияр вздрогнул. Властелин ухмыльнулся:

– И ты решил, что, раз она такая же, как все, – почему бы не пользоваться ею, как все стражники пользуются всеми женщинами от вечернего колокола до утреннего. Разумеется, ведь она не оставалась в одиночестве ни в одну из ночей, пока ты валялся раненый.

Развيار нервно сглотнул.

– Ты спрашивал, почему я доверяю тебе... Потому что я вижу тебя насквозь, маленький гекса.

– Вы маг? – вырвалось у Развيارа.

– Нет. К сожалению. Но этот замок построен магом, и маг хранит его.

– Кто это? – Развيار не мог удержаться. – Где он?

– Пошли, – властелин поднялся. – Если ты в состоянии перебирать ногами – я покажу тебе. Здесь недалеко.

* * *

Деревянная платформа, подвешенная на четырех тросах, опускалась все глубже в колодец. Властелин держал фонарь, вверх ползли каменные стены со следами зубов скальных червей.

– Червей было много... Сначала семь, потом он призвал еще одного, их стало восемь. Скальные черви всегда голодны, и высшее искусство мага – заставить их выгрызать стены, окна, дверные проемы, а не поглощать весь камень, до которого смогут дотянуться. Но кроме червей, здесь работали люди – каменщики, резчики, ваятели. Ты еще не видел и трети всех помещений замка... А сейчас мы спускаемся к корню. Так он называл эту шахту. Если начнешь задыхаться – скажи.

Платформа покачнулась. Развيار едва устоял на ногах; властелин подхватил его под локоть.

Повеяло затхлым ветром. Платформа замедлила ход. Прямо перед Развيارом выполз откуда-то снизу и остановился черный проем в стене.

– Мы пойдем туда? – Развيار с трудом сглотнул.

Властелин повернул покрытое шрамами лицо:

– Ты боишься?

– Да, – сказал Развيار.

Властелин помолчал.

– Тогда мы вернемся. Я хотел, чтобы ты его увидел... Но если тебе тяжело – вернемся.

Развيار дышал ртом. Громада замка, громада скалы давили ему на уши. Колодец висел над головой, подземные ветры гудели в нем запредельным, нечеловеческим басом.

– Я пойду.

– Хорошо. Держись за меня, если тебе трудно идти... маленький гекса.

В коридоре, прямом и узком, странно вел себя звук – слышался отовсюду. Камни над головой дышали загнанно и хрипло – дыханием Развيارа. Огонь фонаря освещал стены, по которым скатывались капли испарины, и пол, иногда отражаясь в лужах, но впереди по-прежнему была чернота – как будто фонарь боялся опередить идущих хотя бы на несколько шагов. Страх замкнутого пространства, прежде непонятный Развيارу, теперь сводил с ума – только гордость помогала удержаться, не закричать и не броситься прочь, разбиваясь о стены вслед за собственным криком.

Он стал думать о море, какое оно широкое. О горах, какие у них далекие вершины. О лесе, где можно ходить, куда вздумается; он представил, как поднимается, ступень за ступенью, по высокой лестнице, и ему стало немного легче.

Неизвестно, сколько прошло времени, когда рука властелина плотнее сжала его локоть:

– Смотри.

Звуки рассыпались, утонули в пустоте. Резко отступили стены. Развир и его могущественный проводник оказались в подземном зале, пустом, круглом. В центре, на квадратной каменной тумбе, лежали останки человека... Нет. Останки зверуина.

Властелин поставил фонарь у его изголовья.

Мертвец лежал здесь давно. Наполовину истлела одежда – шитый золотыми нитками мундир на человеческих плечах. Но сам труп сохранился, почти не подвластный разложению: смуглое лицо, обтянутое тонкой кожей. Глубоко запавшие, плотно закрытые глаза. Мертвый покоился на боку, в позе спящего, подобрав широкие когтистые лапы, сложив руки на груди. На правой руке, на указательном пальце, сияло при свете фонаря кольцо с крупным бирюзовым камнем.

Развир и властелин стояли молча. Пламя фонаря не дрожало – здесь не было ветра, и Развир скоро понял, что задыхается.

– Выйдем, – сказал властелин.

И почти на руках вытащил Развира из зала – в тесный коридор, где, на удивление, воздух был свежее и можно было дышать.

– Кто это? – Развир привалился к стене.

– Это тот, кто построил замок.

– Он маг?

– Да. Маги рождаются всюду, где в доме есть очаг.

– Но он же...

– Да. Если бы ты знал, как он ненавидел своих соплеменников. Они его убили... Я не хочу говорить о них сейчас. Он был моим другом. Пока его тело покоится здесь, в основании замка, замок неуязвим.

– Они убили мага? Как можно убить мага, ведь... «Он может летать без крыльев и приказывать камню, может убивать огнем или исцелять смертельно больных, но главное его призвание...»

Развир прикусил язык.

– Пойдем, – властелин помог ему отлепиться от холодной стены. – Пойдем... Ты помнишь каждую строчку из всего, что когда-либо переписывал?

– Да.

– Любопытно... Я подозревал что-то в этом роде... Мага можно убить, конечно. Если ты выстрелишь из дальнбойного лука, а маг в это время будет занят другим, и стрела вонзится ему в спину, проткнет сердце... Тогда маг умрет, скорее всего. В императорском дворце, в усыпальнице, десятками и сотнями лежат мертвые маги, мальчик, и лишь немногие из них умерли своей смертью. Но говорят, что пока они там покоятся – Империя неуязвима.

Они вышли из коридора на платформу. Властелин с усилием потянул за веревку. Несколько жутких мгновений они ждали, а потом платформа дернулась и пошла вверх.

Развир упал на колени. Властелин помог ему подняться.

– Что ты переписывал для прежнего хозяина? Небось, всякую ерунду?

– «Приключения фаворитки». «Поучительные сказания о людях, животных и прочих тварях». «Путешествие на Осий Нос», но не до конца, и еще много книг...

– Вспомни их все и запиши названия, – сказал властелин. – Сделай это сегодня, потому что завтра ты заступаешь на службу, и сотник Бран, я думаю, много раз заставит тебя расплатиться за твою первую победу.

* * *

Властелин оказался прав. Сотнику Брану плевать было на то, что Развир болен и слаб. Сотник Бран не испытывал почтения перед воинской доблестью молодого стражника. Положе-

ние Развияра резко ухудшилось: Бран отправлял его на самые скучные, тяжелые и бесславные работы, в одночасье разжаловав из любимца едва ли не в слугу.

Развияр не роптал. По вечерам он падал на тюфяк и засыпал, в то время как прочие, посмеиваясь, шли «в птичник», и где-то там ждала гостей Джаль с вечной своей виноватой улыбкой. Старшая служанка ставила зарубку против ее имени на деревянной табличке. Полагалось не больше одной зарубки за ночь и не меньше одной за три ночи – так объяснял Развияру Тари-Колесо, болтун, ставший еще более словоохотливым после того случая в патруле: троих убили, уцелели только Тари и Кривуля.

Стражники, в отличие от сотника, прониклись к Развияру почтением. Кривуля, прежде не упускавший случая подставить ножку, теперь приносил молоко из кухни, наливал Развияру кружку и просил рассказать, «как все было»; Развияр рассказывал, не приукрашивая ни на полслова.

– С какого он с первого бока ударил?

– С правого. Обошел меня слева.

– Ты держал?

– Только чуть выдержал, чтобы уйти из-под клинка. А так – кто же его удержит, проще замок на руках поднять...

– Да, – глаза Кривули затуманивались. – Они... Я вот думаю, если бы мы с Тари не дернули бежать со всех ног, – может, они наших бы парней не порубили? Может, мы их... зря так, а, малой?

– Порубили бы всех, – чистосердечно отвечал Развияр. – И меня бы порубили, если бы не огневуха. Это же нечестно – эти твари нападают двое на одного, четверо, шестеро на одного.

– Нечестно, – говорил Кривуля, и лицо его прояснялось.

Кривулю, в отличие от болтуна Тари, грызла совесть. Развияр облегчал ее груз, как умел, и говорил от чистого сердца. Кривуля чувствовал это – и даже стал заступаться за «малого» перед Браном.

Неделю за неделей Развияр стоял в ночной страже, чистил отхожие места, бегал по пустяковым поручениям – все молча, не выказывая недовольства. Когда выпадала свободная минута, брал арбалет и шел на стрельбище тренироваться. Ежедневная «механическая» жизнь потеряла значение; Развияр будто вернулся в те времена, когда он с утра до ночи грузил камни, возил тачки или вертел свой ворот. Тогда его сознание отлетало прочь, не заботясь о заключенном в рабстве теле, и бродило по лесу из детских воспоминаний.

Теперь у Развияра появилось много новых тем для размышления. Под замком, в глубокой шахте, лежало тело зверуина, бывшего при жизни магом, и, мертвое, охраняло замок.

Развияру виделись скальные черви, запряженные магической волей четвероногого существа в золотом мундире. Как они грызут камень, выстраивая в глубине горы залы и коридоры, комнаты, лестницы, колодцы для платформ-подъемников. Как маг-зверуин воздевает руки, и на указательном пальце блестит бирюзовый камень; как вылетает стрела из дальнобойного лука и пробивает волшебнику сердце.

Где был властелин, когда мага убили? Отомстил ли он за друга, и если отомстил, то как? И, главное, – зачем он показал Развияру мертвеца под горой? Он, который видит насквозь не только «маленького гекса», но и сотника Брана, и, вероятно, каждого человека в замке?

Усталые руки дрожали, удерживая взведенный арбалет. Развияр целился и стрелял, и снова стрелял, и снова. Потом брал лук – самый тугой, какой только находился в оружейной, и, отойдя в дальний конец коридора, стрелял с полутьме в едва различимую мишень.

Однажды стрела чиркнула по потолку, и Развияр вдруг ощутил свою беспомощность: запертый в коридоре с дальнобойным луком, как личинка огневухи – в яйце. В каменной щели «поправка на ветер» – бессмысленные слова; здесь нет места, чтобы протянуть красивую, плавно изогнутую дугу, частью которой должна стать летящая стрела. Мешали стены, давил

потолок, мучила темнота. Развиару захотелось свободы – но не такой, когда можно идти на все четыре стороны.

Свободы думать. Связывать целое из частей. Видеть людей насквозь, предугадывать чужие поступки, понимать магов во всей их непостижимости. Он хотел этого гораздо сильнее, чем совсем еще недавно желал девушку Джаль.

И, погибая от собственного несовершенства, Развиар бросил лук и заплакал – благо, никто его не видел.

А потом – через несколько минут – чувство сдавленности прошло. Развиар удивился: что с ним было, откуда накатила тоска? Может быть, это воспоминание о давящих стенах там, внизу, где лежит мертвый маг-зверуин?

Он поднял лук и продолжал упражнения. Еще через час его застал за этим занятием сотник Бран; постоял за спиной, посопел, потом решительно подошел и, ругаясь, стал выправлять хватку на тетиве, постановку ног, поворот головы, и Развиар понял, что прощен.

* * *

Джаль отделилась от стены и встала перед ним, когда он, едва живой, волочил ноги с вечерней пробежки.

На ней было все то же желтое полотняное платье с завязками у горла. Она ничего не говорила, просто стояла, перегораживая коридор, и больше не улыбалась.

– Зачем ты здесь? – спросил Развиар. – Ведь был уже колокол?

Она прижала к впалым щеками стиснутые кулаки. Смотрела на него и молчала.

– Ты чего? – тихо спросил Развиар.

– Я тебя ждала, – сказала Джаль. – Думала, ты придешь. Спрашивала... Думала, тебя убили...

– Вот еще, – он чувствовал все возрастающую неловкость. – Не убили. Поцарапали.

– Как тебя зовут? – спросила Джаль.

– Что?!

– Как тебя зовут? Тебя все кличут по-разному, то «малой», то «гекса», то «любимчик»... Ты даже не сказал мне... имени.

– Зачем тебе? – спросил Развиар после очень длинной паузы.

Она опустила руки:

– Просто, чтобы знать.

– Развиар. Так меня зовут, – сказал он медленно.

Она улыбнулась – но не привычной напряженной, виноватой улыбкой. Открыто, почти радостно:

– Красивое имя. Теперь я буду так называть тебя. Когда я стану о тебе думать.

– А зачем обо мне думать?

Он понимал, что говорит глупости, но ничего не мог с собой поделать.

– Ты больше не придешь? – тихо спросила Джаль.

– Не знаю.

– Развиар... Давай убежим?

– Прости. Сейчас не время.

Она хотела сказать многое, но молчала и смотрела на него. Под этим взглядом он вспомнил обреченного зверуина. Тот тоже хотел говорить, и понимал, что это бесполезно, и чувствовал, как истекают последние мгновения.

– Что, Джаль?

Она все еще улыбалась.

* * *

Ночью он не спал, несмотря на усталость. Ворочался, ходил пить воду, долго стоял в коридоре, потом сидел, привалившись спиной к стене. Порывался идти «в птичник». Возвращался. Слушал храп отдыхающих стражников. Задремывал и просыпался: ему мерещилось тонкая фигурка в желтом платье, летящая со стены.

На другой день он увидел ее: Джаль мела коридоры жесткой метелкой из перьев и не заметила Развияра.

* * *

– У меня есть для тебя работа, маленький гекса.

Властелин принимал Развияра в помещении, где тот прежде никогда не бывал. В башне, на страшной высоте над ущельем, рос обильный сад, и выющиеся растения оплетали своими побегами стены, решетки на окнах и ажурную куполообразную крышу. Вдыхая запах листьев и цветов, влажной земли, зелени, Развияр вспомнил лес своего детства.

– Опять кого-нибудь убить?

Властелин расхохотался. Даже глаза его, прежде глядевшие сквозь Развияра, изменили выражение и, кажется, повеселели.

– На этот раз – нет. Ты знаешь, что в Фер есть ворованная библиотека?

– Ворованная?

– Да. Ноготь, хозяин городского рабского рынка, обожает редкости и книги. Для него их везут из Империи, рискуя шкурой, и он покупает за большие деньги – не только «Фавориток» и «Путешествия», хотя и их тоже. Несколько дней назад ему привезли «Хронику зверуинов», написанную одним имперским землемером двадцать лет назад. Я отдал Ногтю корабль за право переписать ее.

– Корабль?!

– Один из моих парусников в порте Фер.

– Что же в ней такое, в этой книге? – растерянно спросил Развияр. Ему представилась «Крылама» с тремя ее мачтами, с каютами и трюмом, с резными деревянными столбиками, поддерживающими навес, с командой и капитаном. Обладать таким чудом – и отдать его за книгу?!

– Многое, – властелин остановился у окна, увитого ярко-зеленой, с белыми цветами, лианой. – Мне нужна эта книга как можно быстрее. Хроники, пояснения, словари; родословные, имена богов, традиции кланов, жизнеописания вождей и героев. Все перепишешь в точности, каждая черточка может иметь значение.

– Ее привезут сюда?

– Нет. Ноготь не выпускает из рук ничего, что однажды удалось сграбастать. Ты поедешь в Фер, сегодня, сейчас. С тобой поедет телохранитель-спутник. Тебя пропустят в хранилище, перепишешь книгу и вернешься с копией назад. Два дня на дорогу в один конец... Три дня на работу. Через семь дней ты положишь копию мне на стол, маленький гекса, и тогда я награжу тебя по-настоящему.

– Властелин, – сказал Развияр, вспомнив, как долго тянулся по горам рабский караван. – Два дня на дорогу в один конец... невозможно мало.

– Ты не пойдешь пешком через перевалы. Ты отправишься от Кипучки через тоннель, потому что мне нужна быстрота, а не дешевизна! Чистый переплет купишь в Фер, там есть отличная лавка на базаре. Еду и воду купи заранее и возьми с собой в хранилище, потому что три дня тебя оттуда не выпустят. Держи.

На резной столик упал мешок из кожи печорки, объемный, тяжелый. Развияр покосился на него со страхом.

– Что такое? – властелин покривил перечеркнутые шрамом губы.

– Властелин... мне не нужен телохранитель, я сам за себя постою. Мне нужен человек, который... знает, где сесть на подземную телегу, и где купить бумагу в Фер, и как найти библиотеку этого Ногтя. Потому что я...

Развияр запнулся. Я беспомощный раб, следовало сказать. Никогда в жизни ему не приходилось путешествовать самостоятельно, да еще при деньгах. Он мог бы напасть на Кипучку, поселок у теплого озера, с оружием в руках – но не явиться, как путешественник, и спросить у трактирщика, где тут дорога к тоннелю.

– Не прикидывайся, – сухо проговорил властелин. – Я дам тебе охранную грамоту, с ней тебя будут принимать, как любимого родича. Человек с тобой поедет... кого сам выберешь, из стражников или из слуг. А в библиотеку явишься без оружия – что это за переписчик такой, при клинках.

Развияр взял в руки мешочек с деньгами. Тяжело перекатились монеты под мягкой, отлично выделанной шкурой.

– Властелин... вы отправляете меня в Фер с деньгами? Меня?

Властелин сорвал с лианы белый цветок. Приложил к ноздрям, усмехнулся:

– Шуу, не чую запахов, давно... Да, маленький гекса, я знаю, что делаю. Собирайся, живее. Я хочу, чтобы через полчаса ты был в дороге.

Глава четвертая

Развиару приходилось бывать на перевале с патрулем. Шагая по знакомой дороге, он не верил, что уходит из замка.

Поднялись на перевал. Миновали башню – пост. На высоком шесте висел хвост зверуина – высохший, облезлый, вывешенный в насмешку и ради устрашения, а вокруг, сколько хватало взгляда, лежали горные хребты, зеленые, синие, желтые, в траве и в тумане, с белыми каменистыми гребнями, в нитках водопадов.

– Спускайтесь, – сказал Тари-Колесо, стоявший во главе патруля. – Дорога отсюда чистая аж до Кипучки, а мы проследим.

Развиар пожал ему руку и, не оглядываясь, двинулся по дороге вниз. Горизонт дрогнул и начал суживаться; рядом, не поспевая, почти бежал старый Шлоп – младший замковый интендант, которого Развиар силой выдернул из привычной и удобной рутины.

Младший интендант много раз бывал и в Фер, и в окрестных селениях. Он умел торговаться на базаре и знал все постоянные дворы. Накануне он вернулся из торгового рейса, привел в замок караван с хорошим деревом и стальными болванками, и на этом думал успокоиться – занять место интенданта, проводить дни под крышей и ночи на перине с ласковой служанкой, но его чаяниям не суждено было сбыться. Развиар сказал, что не желает в спутники никого, кроме Шлопа, и тот был вынужден подчиниться приказу властелина.

– Ну, жди, – Шлоп бормотал, не переставая, от самых ворот замка. – В выгребной яме будешь жить, там же и кормиться. Паукам-кровососам тебя скормлю, чесаться будешь, язвами весь пойдешь. Быстрый какой, погоди. Нянька тебе нужна в дороге? Будет тебе.

Развиар не слушал. Во внутреннем кармане куртки лежала охранная грамота, пояс оттягивал кошелёк с деньгами, Развиар шагал, сам себе господин, по той самой дороге, где он прошел совсем недавно в числе десятка рабов, закупленных вот этим самым Шлопом, младшим интендантом, для хозяйственной надобности.

Девять остальных до сих пор вертят свой ворот. Кто-то остался в Восточной темнице, а кому-то не повезло, и он ночует в Западной. Там душно летом и холодно зимой. Так рассказывают.

Справа от дороги шевельнулись кусты. Развиар взялся за рукоятки мечей. Затряслись ветки, из колючих зарослей вылетел черкун и, посвистывая крыльями, взмыл в небо. Развиар только сейчас заметил, что Шлоп не бормочет, угрожая и жалуясь, а идет молча, настороженно оглядываясь по сторонам.

– Тари сказал, дорога чистая, – напомнил Развиар.

– Много он понимает, Колесо языкатое, – Шлоп озабоченно посмотрел назад. – Год назад на этом самом месте караван расстреляли, место паршивое. Они тут шастают, как у себя дома.

Развиар улыбнулся. Свобода вступала в него, как армия в побежденный город, как теплый воздух в оболочку летучего шара. Казалось, еще чуть-чуть – он поднимается, переполненный этой свободой, и взлетит над зубчатыми верхушками скал.

На закате они были в Кипучке – маленьком поселке на берегу теплого озера. Над водой поднимался пар, гостиницы лепились вдоль берега, на террасах сидели постояльцы, в основном старики, обернутые белыми полотенцами, пили из высоких стаканов и парили ноги.

– Заночуем, – сказал Шлоп. – Кости погреть – мне оно полезно, а тебе без надобности, а потому ты селись в «Кочке», а я...

– Шлоп, – сказал Развиар, с удовольствием чувствуя, что свобода, наполняющая его тело, добралась уже до языка. – Не заночуем ведь. Пошли напрямиком к тоннелю.

– Ты мне приказывать будешь? – младший интендант поперхнулся.

– Буду, – Развияр улыбался, но говорил без насмешки. – А ты будешь слушать, старый пень.

* * *

Шлоп молчал, будто его тонкие губы склеились. Он молчал, когда Развияр спрашивал у прохожих, как пройти к тоннелю, а люди шарахались, пугаясь его клинков и сурового лица с переломанным носом. Шлоп молчал, когда Развияр сам, без посредников, отыскал хозяина подземной упряжки, и потребовал отправляться на Фер немедленно. И только когда речь зашла о цене, младший интендант не удержался, покраснел и закричал:

– Тридцать монет?! А чтобы тебе застрять у Шуу в заднице! Язык свой бесстыдный спрячь, никому не показывай! Тридцать монет, когда двадцать всегда стоит перевозка!

Возчик надулся:

– А вечернее время?! А ночь на носу?

Развияр улыбнулся краешками губ:

– Хозяин, мы ведь без денег поедem. Сейчас меч вытащу – и повезешь бесплатно.

После этого говорили мало.

Прилипалы шли сначала медленно, и повозка на трех железных колесах тяжело катилась по гладкому, отшлифованному присосками полу. На вздернутом носу триколки горел фонарь, освещающий круглый тоннель из серого блестящего камня. Развияру снова сделалось нехорошо: стены давили. Крепла тяжесть невидимой громады, нависшей над головой.

Возчик крикнул, подгоняя. Плоские, с треугольными головами, с круглыми присосками на пальцах, прилипалы ускорили ход. Те, что были впряжены по бокам, вскочили на стены и побежали по ним, с чмоканьем переставляя лапы. Нос триколки приподнялся, фонарь выхватил тоннель впереди – черную, блестящую кишку, то ныряющую вниз, то взмывающую довольно круто вверх.

– Пошли! Пошли!

Голос возчика прыгал, отражаясь от стен. Тоннель вильнул, обходя плотную горную породу, на стене справа выступили красные жилы, похожие на тела замурованных людей. Триколку кинуло на левую стену, пассажиров вдавило в скамейки, а прилипала, идущая слева, вырвалась на потолок и продолжала так бежать кверху ногами, пока поворот не остался далеко позади.

Развияр сжимал зубы, чтобы они не стучали. Шлоп сидел рядом, закутавшись в полог, молчаливый и злой. Младший интендант был бы счастлив увидеть Развияра испуганным, как мальчишка. Нельзя было доставлять ему этой радости.

– А если нам навстречу вот так кто-то гонит? – спросил Развияр, когда молчать стало невмоготу.

– Столкнемся, – мрачно пообещал возчик. Потом искоса посмотрел на Развияра:

– А не бойтесь. В Фер сейчас мой брат, кроме него, навстречу ехать некому, а он по вечерам в трактире сидит... Разве что заплатит кто втрое выше обычного. Тогда – конечно... Да кто же ему заплатит? Йо-о! Гони, липучки сонные!

* * *

Они переночевали в дорожном трактире, подстерегающем путников на той стороне туннеля. Там же возчик нашел своего брата – мертвецки пьяного, спящего в обнимку с прилипалой. В порт Фер до наступления утра нельзя было показывать носа – об этом в один голос твердили и Шлоп, и трактирщик, да Развияр и сам понимал, что его свобода и два клинка мало что стоят против веками установленных традиций разбойничьего порта. У Фер было два

лица, ночное и дневное, и у каждого его жителя было два лица; по вечерам стражники, служившие градоначальнику, уходили из города, и по утрам возвращались, чтобы, обходя улицы, подобрать три-четыре трупа – иногда со следами пыток.

Запах в городе Фер напомнил Развиюру один из самых печальных дней его жизни – день, когда его продали на здешнем базаре. Его внутренняя свобода затаилась, будто замороженная, зато младший интендант ожил, как рыба в свежей воде. Скованность Развиюры забавляла его; не доходя до порта, Шлоп свернул в узкую, но чистую улочку и через несколько минут вывел спутника к «лучшей харчевне города» – месту и в самом деле примечательному.

– А вот брошу тебя, дурака, посреди улицы – и дня ведь не проживешь, – Шлоп обглаживал птичью косточку, сидя на террасе с видом на далекие паруса.

– Пожалуй, – соглашался Развиюра. Море притягивало его; где-то там, в порту, могла стоять «Крылама». А может быть, «Чешуя».

– Так зачем ты со мной ссорился? – Шлоп сдвигал брови. – Подумай, а?

– Я не ссорился, – Развиюра ковырял ложкой в тарелке с похлебкой. – А что без вашего опыта мне тяжело будет... Так я затем вас с собой и позвал.

– Щенок, – сказал Шлоп с непонятым выражением. – Вот уж не знаю, за что властелин тебя приблизил, мясо ты базарное.

– За «мясо» горло перережу, – скучно пообещал Развиюра. Шлоп встретился с ним взглядом – и нервно улыбнулся.

– Ладно... До библиотеки я тебя доведу, а обратно сам дорогу запоминай. Здесь, утром, на третий день, буду ждать тебя. Подожду до вечера, а потом...

– Вернетесь в замок без меня? – спросил Развиюра.

Шлоп в раздражении отодвинул пустую тарелку.

Библиотека помещалась в порту, в одном квартале со складами древесины, спиртного, кож, продовольствия, тканей; Шлоп шагал по набережной горделиво и неспешно, как старый горожанин. Развиюра шел следом, держа одну руку на эфесе, а другую на кошельке.

– Подай калек!

Голос был нечеловеческий. Развиюра, вздрогнув, повернул голову и увидел нищего с говорящей птицей на плече. Птица, равнодушная ко всему, повторяла заученные слова; крылья у нее были подрезаны, на ноге – цепочка. Нищий сидел, глядя вниз, почти такой же равнодушный, как птица, но Развиюра его узнал: это был гребец с «Чешуи», еще недавно молодой и болтливый, а теперь морщинистый, серый лицом, с гниющей раной на лбу.

– Эй... Крючок?

Шлоп, обернувшись, заругался. Не обращая на него внимания, Развиюра шагнул вперед, наклонился к сидящему; тот поднял глаза – и не узнал подростка-гребца, с которым когда-то сидел рядом на лавке.

– Крючок! – Развиюра все больше пугался, глядя в его мутные глаза. – Это я, Развиюра... гекса, помнишь?

Нищий молчал.

– Где Арви и Лу? Где «Чешуя»?

– Взял патруль, – сказал нищий с видимым усилием. – С поличным. Всех потопили. Мое счастье, что меня раньше донный дракон помял, – и, ссутулившись, он снова уставился на обрубки своих ног, торчащие из-под рогожки.

* * *

Вход в библиотеку напоминал ворота тюрьмы – столько же запоров, замков, железных цепей и заклепок. Развиюра с сожалением отдал оба клинка Шлопу, взвалил на плечо сумку с письменными принадлежностями и запасом еды на три дня.

Его впустили. Двое охранников перерыли сумку, перенюхали колбасу и сыр, разломали краюшку хлеба, попробовали воду из баклажки. Потом повели его по новому узкому и темному коридору; у Развияра похолодело в животе. Неужели он всю жизнь будет мучиться, очутившись в тесных стенах?

В квадратной комнатухе, сухой и чисто выметенной, его встретил человек в черном одеянии до пят – высокий, смуглый, скуластый. Его продолговатый череп был выбрит, и над темной кожей едва-едва, короткой щетиной, поднималась золотая поросль.

У Развияра упало сердце. Библиотекарь был уроженцем Мирте, Золотым, и перед его лицом Развияр ощутил себя ничтожеством – как тогда на корабле, за миг до падения в воду.

Скептически поджав губы, Золотой изучал его верительную грамоту; Развияр вспомнил властелина. Сделка заключена, право Развияра находиться здесь подтверждено, и Золотой мешок, надутый осознанием собственной важности, не может прогнать его только потому, что Развияр – гекса.

Библиотекарь отложил бумагу. Его светло-карие, очень пристальные глаза уставились на посетителя свирепо и весело.

– Стало быть, некто Разви-яр, – нараспев протянул Золотой, не скрывая насмешки. – Запрещенных предметов нет?

– Жратва не запрещена? – Развияр бухнул свою сумку на стол перед библиотекарем. – Чернила? Перья?

– Отвечаем вопросом на вопрос, – Золотой прищурился, его карие глаза налились медом. – Чернила и перья я тебе дам свои, это оставь. А жратву показывай.

Содержимое сумки снова было извлечено и пересмотрено. Библиотекарь напевал под нос, внимательно рассматривая головку сыра, которую младший интендант Шлоп купил на базаре по очень выгодной цене.

– Сыр съешь первым, он протухнет через пару часов. В комнате для переписчиков есть отхожее место, точнее говоря, ведро, так что...

Он издевался. Развияр судорожно провел ладонью по тому месту на поясе, где раньше были ножны.

– Из комнаты не выходить, что бы там ни было, – продолжал библиотекарь, будто не заметив этого жеста. – Убью. Ясно?

– А если пожар?

– Тогда гори, – библиотекарь безмятежно улыбался. – Здесь, милый, суровые правила. «Они стоят молча, и не заставляй их говорить, потому что посреди трескотни и патоки они уронят слово, от которого ты потеряешь покой...»

– «И умрешь, когда увидишь себя запертым в мирке своей косности, безвольным, упустившим жизнь», – продолжил Развияр, еще не вспомнив, из какой это книги, но уже видя продолжение на странице. – «Поэтому пускай стоят на полках, сжав страницы, как челюсти».

Библиотекарь прищурился. Окинул Развияра внимательным взглядом с головы до пят.

– А знаешь, – сказал, подумав, – твое имя должно звучать как «Рэзви-арр». Если учитывать особенности произношения гекса.

* * *

Развияр ожидал увидеть полки, стеллажи, запертые дверцы шкафов, да что угодно – кроме того, что открылось перед ним, когда библиотекарь пропустил его в хранилище. Полотнища, тугие и плотные, напоминали паруса, будучи всего лишь паутиной. Они тянулись от пола до потолка, словно занавеси, они чехлом окутывали каждый шкаф, и смотреть на это было страшновато – будто мертвецы в серых саванах стояли рядами, и сквознячок тербил их лохмотья.

– Влажность, – сказал библиотекарь озабоченно. – Рядом море, рядом порт, подступают грунтовые воды... Влажность, плесень, и вот уже то, что нам дорого, обращается в прах... Это степные пауки Ча, я привез их с Каменной Стрелки, тамошние жители носят одежду из этих ниток. Паутина Ча хорошо вбирает влагу, Рэзви. Когда у тебя будет своя библиотека – вспомни об этом.

– У меня?! – Развيار споткнулся.

– Осторожно! Пауки не любят, когда дергают паутину. Я приношу им живую рыбу, потом долго выметаю чешую... Рыба в книгохранилище, что за нелепость. Пауки хотят живого, но у меня предубеждение, Рэзви, я не могу скормливать им собак или бродяжек, это дурно повлияло бы на книги... И на меня, если честно. Я вырос в Мирте, там у нас не принято убивать даже крыс.

Развيار остановился. Поднял глаза. Из высоких окон, забранных решетками, лился приглушенный дневной свет.

– Даже крыс?

– Да. Что с тобой?

– А гекса?

Библиотекарь подрезал край паутины ножницами, похожими на оружие пытки. Подошел поближе. Золотой был на полголовы выше своего гостя, хотя среди замковой стражи Развيار считался «долговязым».

– А что ты знаешь о гекса, Рэзви-арр?

– Зови меня моим именем, – ответил обозленный Развيار. – А не кличкой, которую сам придумал.

– Понятно, – Золотой кивнул. – Ты ничего не знаешь о гекса. Ты вообще ничего не знаешь о мире, только помнишь наизусть записанные кем-то строки.

И, повернувшись, он пошел вперед, подныривая под серые полотнища, иногда подрезая натянутые нити, лавируя среди обернутых сетью стеллажей. Развيار, сжав зубы, последовал за ним. Внутри не осталось ни свободы, ни даже спокойствия: ему следовало знать заранее, что библиотекарь в Фер – Золотой, тогда он подготовился бы и не потерял самообладания.

Чтобы вернуть душевное равновесие, Развيار вспомнил свой лес. Вместо седых полотнищ паутины – зеленые лианы и коричневые стволы, мох, трава, озера и светлячки...

– Подойди сюда, – позвал его библиотекарь. Развيار глубоко вздохнул; этот Золотой не имеет над ним власти, Развيار не раб его и не подчиненный, пусть говорит, что хочет.

– Посмотри, – библиотекарь провел ножницами по толстому слою паутины. Расползлись рваные края, открылась ячеистая полка, в каждой ячейке лежал свиток, похожий на толстую кожаную трубку. – Это свитки из человеческой кожи. Ценнейшие, каждый в единственном экземпляре...

– Из кожи людей?!

– Да, – глаза Золотого снова поменяли цвет, из медовых сделавшись шоколадными. – Гекса пишут свои книги на коже врагов. Это своеобразная, очень развитая литература – они не только увековечивают победы, но, скажем, складывают стихи. Они очень чувствительны, иногда сентиментальны, и не стыдятся проливать слезы над увядшим цветком.

Развيار подошел поближе. Свитки были большие и маленькие, светлее и темнее, каждый перевязан лентой из потускневшего шелка.

– Позволь мне...

Слова вырвались сами. Развيار представил, как будет разворачивать свиток «из кожи врага», и осекся.

– У меня есть работа, – сказал он глухо. – Я пришел сюда по делу.

– Да, – библиотекарь кивнул. – Кстати... В следующий раз, когда ты не будешь занят, когда тебе понадобятся деньги – приходи опять. Хозяин этого богатства, славный человек по

имени Ноготь, не будет протестовать, если кто-нибудь перепишет книги гекса на более привычную нам бумагу. Их можно будет продать знатокам, эти книги: кроме стихов, там есть рецепты блюд из человечины.

– Я понял, – сказал Развияр. – Но я больше не переписчик. Я стражник в замке моего властелина, и тебе придется искать кого-нибудь другого... чтобы заслужить похвалу работорговца Ногтя, которому ты служишь, Золотой!

И, выкрикнув последние слова, он отвернулся от полки со свитками. Над головой зашуршало; огромная тень на мгновение затмила свет, заколыхались полотнища паутины.

* * *

Комната переписчиков оказалась, как и опасался Развияр, маленькой и с низким потолком. Вместо окон – отдушины, затянутые паутиной. Толстая свеча в высоком подсвечнике. Полный набор письменных принадлежностей, чистый переплет, баночка чернил.

– Испортишь бумагу – новой не дам.

– Не испорчу.

– Хоть капля попадет на страницу книги – чихнешь, плюнешь, – ответишь головой. Да не передо мной – перед Ногтем, он человек простой, но изобретательный в деле смертоубийства.

Развияр поудобнее уселся на скрипучем стуле. Поднял глаза на Золотого:

– Ты мне позволишь работать, наконец?

– Работай, – библиотекарь благожелательно кивнул. – Одна свеча горит четыре часа. Шесть свечей – сутки. Следи за временем, переписчик.

Он вышел, закрыв за собой дверь. Развияр остался один. Несколько минут потребовалось, чтобы преодолеть уже привычный страх – страх тесного помещения.

Откуда страх? Ведь неделями он жил в трюме, случалось, сидел в темнице, и боялся чего угодно – но только не замкнутого пространства!

Книга «Хроники зверуинов» лежала перед ним, «сжав страницы, как челюсти». Развияр глубоко вздохнул – и открыл ее.

Карта! Подробнейшая карта со множеством линий, значков, надписей. Ее рисовали самое малое десятком перьев разной толщины, выправляли, используя лекала, штриховали, дорисовывали. В тусклом свете единственной свечки Развияр рассматривал эту карту, занявшую целый книжный разворот, и у него шевелились волосы на голове.

В замке, когда властелин отправлял его переписывать книгу, задание казалось простым и привычным: «Мне нужна эта книга как можно быстрее... Все перепишешь в точности, каждая черточка может иметь значение...»

Каждая черточка имеет значение. Развияр вспомнил молодого зверуина, которого отпустил, хотя должен был убить.

За право скопировать эту книгу властелин отдал парусник. Она украдена из имперского хранилища и принадлежит работорговцу Ногтю, – но ведь это просто книга, одна из многих, и если в ней есть карта – Развияр перерисует карту!

Он взялся перебирать инструменты. Долго вертел в руках самое тонкое перо, пока оно не переломилось, и Развияр вздрогнул от щелчка. Он слишком долго упражнялся с клинками и луком, пальцы обрели силу, утратив часть привычной ловкости, – но сноровка вернется. Стоит только начать.

Он приготовил инструменты, уселся поудобнее, открыл чистый переплет – и погрузился в работу, забыв о страхе замкнутого пространства.

* * *

Они называли себя нагорами. «Зверуины» – имя, данное врагами; название книги на обложке было изменено, вписано поверх другого, почти полностью стертого. Нагоры тысячами обитали среди хребтов, покрытых зеленью, и на безводных плато, и на берегах горных озер.

«Мать рождает, по традиции, четырех детей: двух будущих матерей, одного всадника и одного раба. Каждый всадник имеет две жены, и они принадлежат также рабу, его брату. Если умирает всадник в бою, или на охоте, вслед за ним должен умереть его брат. Если умирает жена, то всадник может взять за себя другую жену. Если женщина не может родить четырех, ее приносят в жертву озеру Плодородия».

У человека, писавшего книгу, был твердый, крупный, но очень своеобразный почерк. Развир скоро к нему привык и перестал замечать странности каллиграфии. Перечислялись кланы, тянулись и перекрещивались генеалогические ветви, Развир местами не понимал, о чем пишет – просто зачерпывал строчки глазами и онемевшей рукой переносил на чистый лист. Он торопился: на месте карты, открывающей книгу, все еще было пустое место. Беспокоясь, что не хватит времени, Развир пропустил ее, решил оставить напоследок.

Он записал предание о богине Воф, которая стала матерью первого нагора, забеременев от большого водопада в горах. Богиня была четвероногая, с гибким хвостом и большими грудями, и Развир решил было, что вот она, разгадка, почему у одних и тех же матерей рождаются и двуногие младенцы, и полулюди на четырех лапах. Но через страницу ему встретилось предание о другой богине, телом похожей на человеческую женщину, но с головой змеи, и она тоже родила первого нагора, забеременев от шагающей скалы. Этих богов и богинь было несколько сотен, от них вели свою родословную разные кланы, и Развир работал, не поднимая головы, пока свечка не зашипела, догорая. Тогда он торопливо зажег от огарка новую свечу и, не замечая боли в спине, продолжал зачерпывать строчки глазами – и изливать их с кончика пера.

Он переписывал длинные списки имен и думал об авторе этой книги. Тот не был зверуином, поминал Императора и Шуу, а значит, происходил из Империи. Властелин сказал – «имперский землемер»; карта, помещенная в начале книги, была гордостью автора, он то и дело ссылаясь на нее, называя «новейшая и точная карта». Догорела третья свеча, а Развир не переписал еще и четверти.

Ему не хотелось есть. Он пил из баклажки мелкими глотками, стараясь растянуть удовольствие. Во времена, когда он был рабом у Аглия, ему случалось переписывать по двое суток напролет – а ведь тогда он был мальчишкой; вот и сейчас он непременно справится. И карту перисует точь-в-точь.

Нагоры считали годы по зимам и веснам вождей. Каждый клан имел свое летосчисление. Дважды в истории – как она записана была в «Хрониках» – предпринимались попытки объединить кланы единой властью. Первый раз это попытался сделать всадник по имени Белый Ручей – на короткое время объединил три самых могучих клана, но потом его зарезали, союз распался, и дело закончилось братоубийственной войной. Второй раз во главе кланов пожелал стать раб, получеловек, который был магом; Развир потерял воспаленные глаза. «За несколько лет до его рождения селение клана Росы посетил человек, именуемый Бродячей Искрой... Клан Росы, в отличие от многих соседей, не убивал чужаков и временами давал приют заблудившимся в горах путникам. В благодарность бродяга сложил каменную печь в доме вождя. Вскоре старшая жена вождя родила мальчика-раба, который обладал магическим даром. Всем известно, что маги рождаются в домах, где Бродячая Искра сложит очаг».

Развияр приблизительно подсчитал годы, и у него не осталось сомнений: тот, о ком он сейчас читает, покоится в шахте под каменным замком властелина. Это он приручил скальных червей, он нашел гнездо огневухи, он построил замок. Это он пожелал стать единственным вождем всех нагорских кланов.

«Война длилась двадцать лет. Имя вождя было Утро-Без-Промаха. Во многих непокорных кланах люди перестали называть утро утром, чтобы не поминать имя страшного волшебника-раба».

Развияр почувствовал, что голова его клонится к столу. На миг провалился. Очнулся, лежа щекой на листе бумаги. Свечка догорала, он едва успел зажечь от нее следующую. Которая это свеча? Он стал подсчитывать и сбился со счета. Хотелось погасить проклятый огонь, лечь на каменном полу, вытянуться, и пусть случится что угодно.

«Он прекратил войну, но проклял всех, кто не желал ему покориться. Отныне матери не рожали, как прежде, двух будущих матерей, всадника и раба; они рожали четырех матерей, или трех рабов и всадника, или одну мать и трех всадников. Говорят, в своей ярости он готов был истребить все племя нагоров; говорят, он создал и проклял некую вещь, и если освободить проклятие – все нагоры умрут. Но правда ли это, и хватит ли силы одного мага, чтобы уничтожить огромное племя, и хватит ли ненависти – об этом не знаю и не могу сказать точно. Именем Утра-Без-Промаха пугают в кланах детей – и сейчас, после его смерти».

* * *

Огонек свечи заколебался. До этого он стоял ровно, как столбик, и тени не шевелились. А теперь они дрогнули, и Развияр поднял голову.

В проеме двери стоял библиотекарь.

– Уже?! – Развияр поперхнулся. – Только десять свечей! Еще не вышло время!

– Просто зашел поглядеть, – сказал Золотой, будто извиняясь. – Выглядишь ты... ужасно.

Развияр вздохнул. Наверное, у него были красные глаза; веки распухли и горели огнем, но работа шла хорошо и приближалась уже к концу. Если бы только не карта...

– Я не собирался украшать вашу жизнь, – сказал он сварливо. – Поэтому неважно, как я выгляжу.

– Почему бы тебе не поспать пару часов? Разбужу, когда скажешь.

– Нет, – Развияр помотал головой. – Закончу – тогда.

– Хочешь воды?

– Нет. Спасибо. У меня еще есть.

– Ты прав, я служу Ногтю, грязному работарговцу, – не меняя интонации, сказал Золотой. – Но меня не это печалит... Я никогда не смогу вернуться в Мирте, летающий город.

– Я видел его, – сказал Развияр. – Издали. Меня скинули в море с корабля, потому что ни один гекса не может ступить на землю Мирте.

– А, – помолчав, сказал Золотой. – Послушай, Рэзви... То есть Развияр. Рано или поздно ты захочешь найти своих родичей. Не делай этого.

– Потому, что они пишут стихи на человеческой коже?

– И поэтому. Тебе много осталось?

– Нет. То есть... Карта, на это нужно время.

– Возьми воду, – Золотой поставил на пол у двери кувшин с длинным горлышком. – Не бойся, она не отравленная.

* * *

Он проснулся от глухого вскрика. Был этот звук во сне или наяву – поначалу не смог понять.

В комнате для переписчиков было темно. Развيار сам затушил последнюю свечу, чтобы поспать хоть немного. Копия книги, точная и полная, с картой, лежала поверх подлинника, украденного из Императорской библиотеки, и Развيار спал, сидя за столом, положив голову на мягкий кожаный переплет.

В комнате ходил сквозняк, которого не было раньше. Приоткрытая дверь покачивалась, будто манящая ладонь. В глубине хранилища кто-то ходил, стараясь ступать потише, и это не были шаги Золотого.

Развيار прижал к груди книгу и в темноте выбрался из комнаты. Снаружи стояла ночь, высокие окна едва-едва освещались светом не то луны, не то далеких фонарей. Полотнища паутины, хранящей книги от влаги, казались черными, и только у потолка в самом углу отсвечивали зеленым фосфоресцирующие гроздьи – глаза пауков Ча.

Развيار попятился. В этот момент впереди за стеллажами, где-то у входа в хранилище, мелькнул огонек. Развيار задержал дыхание. Он не мог бы объяснить, почему таится, почему волосы у него на голове стоят дыбом. Может быть, ему приснился кошмар, в котором кого-то убили. Может быть, кошмар еще длится. А может быть, убийство случилось наяву.

Снова слышались тяжелые шаги. Затрещала паутина. Кто-то негромко выругался – резким, высоким голосом. Не библиотекарь.

– Тут должны быть еще комнаты, – сказал другой голос, сорванный.

– Шуу! Паутина...

– Вчера утром сюда вошел человек, переписчик, и он не вышел. Ищи его, Кру.

Загорелся яркий свет – две или три больших свечи, связанные вместе. Сквозь полупрозрачные сети Развيار увидел две тени – силуэты с мечами в руках. Наточенная сталь рассекла паутину, Развيار едва успел отступить за стеллаж.

Он был безоружен. Оба клинка остались у Шлопа.

– Ищи его, Кру. Скорее.

Ругаясь и обрывая серые полотнища, тонкоголосый Кру прошел в нескольких шагах от Развيارа. Обнаружил дверь в комнату переписчиков.

– Гляди-ка! Здесь сумка, вещи... Он не ушел!

– Не ушел, – с глубоким удовлетворением произнес сорванный голос. – Он здесь, да. Никуда не денется.

В этот момент Развيار успокоился. Двое искали его, чтобы убить, как только что убили – теперь он не сомневался – библиотекаря. Жизнь Развيارа висела на волоске, но этот волосок держал он сам; в его власти было выжить – или погибнуть.

Он взвесил книгу в руках, примериваясь, как будет бить – и вдруг понял, что это не копия, над которой он трудился двое суток. В темноте, со сна, он схватил подлинник «Хроник зверуинов», и это было удачно, потому что подлинник тяжелее.

Мир сделался очень четким. Развيار видел каждую паутинку, каждую щербинку на деревянном полу, знал, где стоит фонарь и где притаился убийца. Он не стал ждать, пока его найдут, но прыгнул вперед и вложил в этот прыжок всю свою жажду жизни.

Сильный человек выставил меч, прынул, как змея, метя Развيارу в живот. Развيار отбил клинок тяжелой книгой, обернулся вокруг себя и кулаком почти попал сиплому в челюсть, но тот увернулся, и Развيار увидел кинжал. Слишком поздно увидел; он понял, что не успевает отбить удар. Он смотрел, как продвигается рука с зажатым в ней лезвием, как скользит к его горлу – и не успевал увернуться, потому что движение имеет свои законы. Развيار давно

усвоил из уроков сотника Брана: ты можешь смотреть, как тебя убивают, и не отвести удар, потому что не вовремя замахнулся.

Лезвие пронеслось мимо, почти коснувшись горла. Обладатель сорванного голоса засипел, выпучил глаза и выронил кинжал. За его спиной в луже крови стоял на коленях библиотекарь.

Сиплогоголосый дернулся и повалился, между его лопатками торчала стрела – будто писчее перо, испачканное красными чернилами. Почти сразу упал Золотой, уронив маленький, как игрушка, арбалет.

Тонкогоголосый Кру выскочил из коридора между стеллажами, с разгону влип в серое полотнище, зарычал, вспарывая паутину клинком. Сверху грохнулся паук и сразу же взлетел обратно к потолку – добыча оказалась не по зубам. Кру вырывался, раскидывая ошметки сети; Развияр подхватил клинок, выпавший из руки мертвеца, и в первый раз убил – не волей огнелуки, а собственной рукой.

Золотой лежал на боку, и его глаза из медовых становились бледно-желтыми, почти прозрачными.

* * *

– Что там было? Почему ты молчишь?

Шлоп волновался. Развияр пришел в гостиницу на рассвете, раньше оговоренного часа, и его поначалу не хотели пускать, потому что ночь в Фер – время беззакония. Развияр пришел с двумя чужими клинками, плохо оттертыми от крови, и книгой, завернутой в чей-то плащ. Он выдернул Шлопа из теплой постели и приказал трогаться – немедленно, сразу, как только откроют ворота.

Вглядевшись в его лицо, младший интендант оставил расспросы. Они вышли из города первыми, еще до того, как вернулись стражники градоначальника; Развияр так часто оглядывался, что Шлоп ударился в панику и пустился почти бегом. Они добрались до входа в тоннель, когда возница, хмурый и синий с перепоя, трогал с места сонных прилипал, а в триколке сидели, завернувшись в одеяла, тощий купец из Кипучки и его полная жена.

Увидев, как уходит триколка, Развияр переменялся в лице и кинулся на перехват. Он выскочил на дорогу, ведущую в тоннель, прямо перед носом запряженных липучек, те остановились, влипнув лапами в камень, триколка наскочила на них сзади и чуть не перевернулась. Развияр, бледный, с красными глазами и пятнами крови на куртке, вытащил кошелек – все деньги, что выдал с собой властелин, все, что не успел растратить в кабаке младший интендант Шлоп – и кинул вознице.

Скандала не случилось. Купец и его жена послушно вылезли из триколки – они часто бывали в Фер и уважали право сильного, а возчик был, к тому же, доволен оплатой. Развияр, прижимая к груди сверток с книгой, сел в триколку, возчик крикнул на прилипал, а о младшем интенданте чуть не позабыли.

Повозка тронулась. Прилипалы набрали скорость, вскочили на стены, а запряженная справа – на потолок.

– Что там было? Почему ты молчишь, Шуу тебя раздери?!

– Я не знаю, – Развияр едва разлепил губы. – Я не понял.

– Ты поручение выполнил? Книгу переписал?

Развияр кивнул. Чем дальше позади оставалась библиотека с провисшими полотнищами паутины, с трупами в лужах крови – тем страшнее ему становилось.

Его копия, мастерская, точная, стоившая огромных усилий, осталась там. И Золотой, невеста почему изгнанный из Мирте, остался там – навсегда. Уходя из библиотеки, Развияр

видел на пороге трупы громил-охранников, неприступная дверь была взломана; Развияр поразился, что уходит живым.

– Ты можешь сказать, что там было?

– Заткнись! – закричал Развияр, и возчик вздрогнул. – Не могу! Тебе я ничего не скажу, и радуйся!

Триколка неслась ровно, грохот колес метался в замкнутом пространстве, как пенная брага в тесной бутылке. Развияр, скорчившись, подтянул к себе колени и опустил голову на сверток с книгой.

Он взял плащ у Золотого. Ни капельки крови не попало на плотную теплую ткань – плащ висел на стене у входа. Развияр верил, что Золотой не возражал бы, ведь Развияр взял плащ не для себя, а для «Хроник зверуинов».

Он задремал под грохот триколки. Ему снилась богиня Воф, с гладкой шерстью на боках, с могучими когтистыми лапами и огромной голой грудью. У богини было лицо Джаль, она улыбалась и говорила на чужом языке. Развияр не мог понять ее, но знал точно: можно записать эти слова на чистый лист, прочитать сто раз и постичь смысл. А богиня Воф тем временем поворачивалась и уходила, горделиво вскинув гибкий хвост. Она ушла, а в следующее мгновение Развияр увидел хвост зверуина, висевший на шесте, облезлый и окоченевший, и закричал.

– ...Сдурел?! Чего орешь?

По-прежнему ровно неслась триколка. По-прежнему грохотали колеса. Развияр сидел, вцепившись в книгу.

– Развияр, – Шлоп впервые обратился к молодому стражнику по имени. – Парень... Да что с тобой?

* * *

В Кипучке они остановились на полчаса – поесть. Развияр по-прежнему не чувствовал голода, но от слабости подгибались колени. Денег не осталось, но в любом трактире здесь кормили в долг – это были земли властелина.

Шлоп страшно не хотел трогаться в путь немедленно. Младшему интенданту хотелось посидеть на берегу, опустив ноги в теплую воду, подремать в гамаке, забыть тревоги сегодняшнего утра – но Развияр не дал старику ни минуты передышки.

Они выступили. Книга помещалась за спиной Развияра, в сооруженном из плаща заплечном мешке. Он шел, держа в руке обнаженный клинок, удивляя и пугая обывателей, вызывая восторг немногочисленных местных детишек. На крутых участках пути Развияр опирался на меч, как на палку.

Селение осталось позади и скоро исчезло из виду, окутанное паром теплого озера. Дорога поднималась вверх. Развияр шел быстро, так что Шлоп едва за ним поспевал. Втыкаясь в дорогу, меч скрипел о песок и камни, Развияр выдергивал его и шел дальше, не отряхивая приставших к лезвию комьев глины.

Громче сделался шум воды. Близился мост над потоком, половина пути к перевалу. Солнце стояло высоко, тени сжались, забились под камни. Развияр воткнул меч в землю и вытер пот со лба.

– Шуу... – бормотал Шлоп. – Зачем я с тобой... а, пропади оно все... Дай отдохнуть, я ведь старик! Сдохну тут, на дороге! Дух испущу!

Развияр огляделся. Высоко в небе кружили черкуны. На фоне зеленоватого неба уже виднелся перевал.

– Шлоп, – сказал Развияр. – Иди обратно.

– Чего? – младший интендант поперхнулся.

– Да, – Развиар кивнул. – Переночуй. Попарь ноги. Я скажу на перевале, чтобы за тобой кого-нибудь прислали.

Шлоп, прищурившись, посмотрел вверх, на перевал, куда вела каменистая, залитая солнцем, петляющая дорога. И вниз, куда вела дорога относительно ровная, идущая под уклон.

– Я скажу властелину, что ты выбился из сил, – сказал Развиар. – Он поймет. Дело-то сделано.

– Дело сделано, – повторил Шлоп, и сквозь жалобные нотки в его голосе пробились обычная сварливость. – Дело сделано... Что же ты, один?

Развиар улыбнулся запекшимися губами:

– Один. Привычно.

– Ну, иди, – сказал Шлоп совсем уже сварливо. – Ишь, ты... Главное, что дело сделано, а как бы ты справился без меня!

И он пошел вниз, все быстрее, и сутулая его спина распрямлялась, и, отойдя на пару сотен шагов, он даже стал мурлыкать под нос песенку – наверное, предвкушал теплую ванну и стакан хмельного на террасе...

Развиар вздохнул, выдернул меч из земли и пошел вверх. Чем выше поднималась дорога, тем ему становилось легче; вокруг были открытые места, много неба, ни потолков, ни стен. Каменные глыбы, поднимавшиеся то справа, то слева от дороги, напоминали головы с задумчивыми суровыми лицами, в их глазницах рос колючий кустарник. За поворотом показался мост. Развиар огляделся – никого; тогда он ступил на мост, и его тень ступила на тень моста, и прилетела тень стрелы и вонзилась тени человека в спину.

Толчком его швырнуло на веревочные перила. Он удержался и понял, что книга пробита, что острие царапает кожу и кровь течет по спине. Он упал на играющий мост, и рядом с его головой воткнулась новая стрела. Тогда он перекатился под перилами и полетел вниз.

Он ударился о воду, как тогда, в падении с «Крыламы». Увидел дно и тени серебряных рыбешек, и собственную тень, раскорячившуюся на цветных камнях. По его щекам катились воздушные пузырьки, щекотали кожу. Развиар ухватился за камень на дне и замер, а сверху летели стрелы, уходили на дно, оставляя белый пенный след. И промелькнула тень всадника – двуногий верхом на четвероногом. Покатились комья глины, закачался мост...

Плывя по течению, Развиар ушел под прикрытие большого камня и несколько часов просидел в склизкой расщелине, сжимая меч, ожидая новой атаки. Так его застал дозор под предводительством Кривули, спустившийся с перевала.

* * *

– Это подлинник, – сказал властелин. Развиар впервые увидел, как он теряет самообладание: облизывает губы, перечеркнутые шрамом. Проводит ладонями по длинным, с проседью, черным волосам, старается выровнять сбивчивое дыхание. – Это подлинник... Что ты наделал?!

Книга лежала перед властелином на резном столе. Пробитая стрелой, вымокшая так, что потекли чернила. Только в самой середине, где страницы были плотно сжаты, осталось несколько нетронутых фрагментов.

– Шуу, – властелин сел, будто его не держали ноги. – Шуу...

– Есть копия, – сказал Развиар.

– В библиотеке Ногтя?!

– Здесь, – Развиар коснулся виска. – Дайте мне чистый переплет, я восстановлю.

Несколько мгновений властелин смотрел на него с ужасом. Потом взял стакан с водой, стоявший на маленьком столике под окном. Выпил, закашлялся.

– Шуу, – выдохнул опять. – Никогда в жизни... – он оборвал себя, сжал изуродованные шрамом губы. – Карта погибла, его карта...

– Я восстановлю, – повторил Развияр.

– Где твоя верительная грамота? – резко спросил властелин.

– Он, – Развияр вздохнул, вспомнив Золотого. – Библиотекарь... взял ее, когда меня впускал, и положил среди бумаг...

– И она осталась там?

– Нет. Я взял ее перед тем, как уходить. Наткнулся на улице на... мертвое тело, у них там ночью... резня. Я сунул грамоту за пазуху этому... человеку. Он был хорошо одет и даже, кажется, не ограблен...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.